

**Онна
Карташевская**

**Необыкновенные
приключения
«русских»
в Израиле**

Welcome to Israel

Семейные хроники времен Большой Алии

**«Книга-Сефер»
Израиль
2013**

Инна Карташевская

**Необыкновенные приключения
«русских» в Израиле. Семейные
хроники времен Большой Алии**

«Книга-Сэфер»

2013

Карташевская И.

Необыкновенные приключения «русских» в Израиле. Семейные хроники времен Большой Алии / И. Карташевская — «Книга-Сэфер», 2013

В аэропорту имени Бен-Гуриона в зале, где они дожидались, пока им выдадут документы и отправят дальше, на столах лежали горы нарезанных на ломтики апельсин. А они до сих пор видели апельсины только несколько раз в году, и всего по несколько штук, с трудом раздобытые по большому благу. А потом им еще выдали удостоверение новых иммигрантов и деньги, целое состояние, девятьсот шекелей на двоих. Вернее, это они так подумали, что это очень много, ведь средняя зарплата советского человека была сто двадцать рублей. Но оказалось, что девятьсот шекелей это примерно как девяносто рублей, и дали их только на первые несколько дней, а остальное они должны были получить там, куда поедут жить...

Инна Карташевская

Необыкновенные приключения «русских» в Израиле. Семейные хроники времен Большой Алии

Для Риты и ее брата Юры все началось с того, что они получили письмо от «Шейнер Рейзл». Так в их семье бабушка называла тетю Розу, бывшую жену брата их отца. Самого дядю Гришу ни Рита, ни Юра не помнили, но из рассказов бабушки и мамы им было известно, что у их папы был младший брат, который ни с того ни с сего в восемнадцать лет женился на тридцатипятилетней женщине, вдове какого-то большого, (так говорила бабушка), партийного работника. От него никто ничего подобного не ожидал. В отличие от их папы, который был нормальным хулиганистым мальчишкой, этот Гриша всегда был тихим и застенчивым. Целыми днями он только учился и читал книги. После школы он, конечно же, поступил в технологический институт и вдруг в конце первого курса женился. Когда он объявил бабушке о том, что женится и сказал на ком, та упала в обморок. Еще бы, Рита и Юра ее понимали. У них дома сохранилась фотография его невесты, датированная примерно годом их свадьбы. На этой фотографии Шейнер Рейзл очень напоминала Надежду Константиновну Крупскую на закате ее жизни. У нее было такое же круглое крестьянское лицо, такие же серые стянутые сзади узлом волосы и выпуклые глаза за стеклами больших мужских очков с толстыми линзами.

Придя в себя после обморока, бабушка начала плакать и умолять своего дорогого Гришу не делать такую глупость. Ну, да, он был небольшой красавец, судя по фотографиям, невысокий, худой с большим носом и выступающими вперед зубами, но ведь он же был мужчина. А мужчина, если он чуть лучше обезьяны, уже красавец. Это всем известно. А кроме того, он ведь учился в институте на инженера. Конечно, инженеры много не получают, но ведь все-таки не слесарь же какой-нибудь, а интеллигентный человек, из хорошей семьи.

В общем, чего только бабушка не говорила, какие доводы только не приводила, ничего не помогло. Обычно тихий и неконфликтный дядя Гриша собрал свои вещи и ушел к невесте, которая, кстати, занимала какую-то должность по партийной линии. Они поженились, хотя в ЗАГСе их тоже сразу не хотели расписывать из-за разницы в годах. Но дядя Гриша произнес там речь о любви и взаимопонимании, о внутренней красоте, о душевной тонкости и родстве душ и, тронутые до слез, женщины в Бюро регистрации браков, в конце концов, их расписали.

Бабушка так никогда и не смогла примириться с этой невесткой, хотя как человек справедливый, всегда добавляла, что смотрела та за Гришей хорошо. Он у нее даже поправился, похорошел, стал интересным мужчиной (опять-таки бабушкины слова). Детей у них не было, скорее всего, у Шейнер Рейзл вообще не могло быть детей, и она относилась к своему молодому мужу как к сыну. Он всегда был у нее накормлен, чисто одет и каждый год она обязательно возила его в Крым, где как партийный работник, имела право отдыхать в хорошем санатории. Правда счастье их продлилось недолго. Через пять лет дядя Гриша вдруг скорострительно скончался, как теперь подозревали Юра и Рита, от внезапной остановки сердца. Это потом уже по телевизору стали рассказывать о том, что такое часто случается и чаще всего с мужчинами, и что быстро сделанным искусственным дыханием можно спасти жизнь человеку, и что в Америке этот курс спасения проходят и пожарные и полиция, и вообще каждая домохозяйка, а тогда об этом никто знал, и, если человек мгновенно умирал, просто говорили, что он умер от разрыва сердца.

Так вот и дядя Гриша в один прекрасный день умер, у всех на глазах. Произошло это, кстати, у бабушки в доме, куда он пришел, чтобы поздравить ее с праздником. Он сидел на диване и разговаривал, и вдруг стал падать набок. Мама рассказывала, что у него сразу поси-

нело лицо, и что самое ужасное, щеки мгновенно полностью ввалились внутрь. Вероятно, потому что из легких вышел весь воздух. Бабушка и мама начали кричать, папа вызвал скорую помощь, но когда врач приехал, было уже поздно. Дядя Гриша умер. Бабушка потом говорила, что он потому, наверное, так рано и женился, что предчувствовал свою скорую смерть.

После смерти мужа, Шейнер Рейзл вообще перестала поддерживать отношения с их семьей. Когда встречала на улице бабушку или папу, просто здоровалась и проходила мимо. Разговаривала только с мамой, потому что мама была единственной, кто «относился к ней по-человечески», говорила она. А мама говорила, что ей было просто жаль эту женщину. Все над ней посмеивались, потому что она была такая некрасивая, и «усыновила себе мужа». Но мама говорила, что Гриша, даже если и женился на ней из жалости, все равно был с ней счастлив, и жили они хорошо, никогда не ссорились, а раз так, то какая разница, что она была старше его и была некрасивой. Грише было с ней хорошо, и это было самое главное.

Шейнер Рейзл поддерживала с мамой отношения и даже навещала ее, когда папы не было дома, еще и потому, что к тому времени у мамы уже был Юра, а потом появилась и Рита. Бедная Роза очень любила детей. Когда Рита выросла, она стала понимать, какая это была трагедия для несчастной женщины. Она, наверное, и за дядю Гришу согласилась выйти замуж, потому что он был как бы ее ребенком. После его смерти она рассказывала маме, что собиралась со временем найти ему молодую жену, симпатичную, здоровую, способную родить ему детей, но, видно и в этом ей была не судьба. Никаких родственников у нее не было, и Рита и Юра оказались единственными детьми, на которых она могла излить свою нерастрченную нежность. Они, конечно, не были ей родными, но все-таки и не совсем чужими. Рита была тогда еще совсем маленькой, но Юра смутно помнил, как к ним приходила какая-то тетя и приносила им редкие тогда апельсины, конфеты «Вишня в шоколаде», которых в магазине вообще не было и другую вкусную еду, которую благодаря своей должности доставала в партийном буфете.

Потом вдруг случилось неожиданное. Шейнер Рейзл опять вышла замуж. В их городе появился человек, который организовал производство пластмассовых стаканчиков. Стаканчики были очаровательными и даже вблизи очень похожи на дорогой хрусталь. Только взяв в руки, можно было по весу догадаться, что они все-таки не хрустальные. Ими время от времени торговали какие-то молодые люди прямо на улице с переносных лотков. Люди расхватывали их мгновенно и уж, конечно, не задавались вопросами, кто их выпускает и на законном ли основании. А как оказалось потом, их выпускала подпольная мастерская, под руководством этого самого приезжего человека, который очевидно приехал в их город, убегая от всевидящего ока ОБХСС. Наверное, он хотел просто отсидеться здесь в глуши в безопасности, но его деятельная душа и коммерческий талант не выдерживали даже недолгого бездействия, и он снова пустился во все тяжкие. Какое-то время, стаканчики проходили незамеченными, но потом чье-то бдительное око остановилось на них, и все закончилось. В местной газете появилась торжествующая статья о том, как был разоблачен подпольный коммерсант и как все его оборудование и товар были конфискованы и уничтожены. Возможно, правоохранительные органы и торжествовали, но простые люди только пожимали плечами и недоумевали. Кому они мешали эти стаканчики. Наоборот все с удовольствием покупали их в неизбалованном дефицитом городе. Они были такой красивой и полезной в хозяйстве вещью, а что теперь? Ну, уничтожили их производство, и кому от этого стало лучше? Назначили бы ему лучше какие-нибудь налоги, что ли и пусть бы дальше работал, зачем же уничтожать. Но на дворе тогда стояли семидесятые годы. До перестройки и первых кооперативов было еще далеко, и талантливому дельцу пришлось срочно уносить ноги. Но в этот раз он, по-видимому, решил кардинально изменить свою судьбу и перебраться туда, где нашлось бы законное применение его талантам. Единственной страной, куда была возможность уехать на постоянное место жительства, не угоняя самолет и не пересекая вплавь Черное море, был Израиль. Почему-то туда стали потихоньку отпускать евреев, но далеко не всех, а только тех, у кого там были прямые родственники, то

есть, родители или родные братья и сестры. И вот тут вдруг оказалось, что у Шейнер Рейзл есть в Израиле родная сестра, одинокая старая дева, которая уже давно окольными путями пересылала ей письма и вызовы и звала к себе. Разумеется, та скрывала сестру, как могла, но каким-то образом незадачливый коммерсант все же узнал о ней, и предложил Розе выйти за него замуж и вывезти его в Израиль. Непонятно, почему она согласилась. Всю жизнь ведь была такой преданной коммунисткой, а тут вдруг положила на стол партбилет и подала заявление на выезд вместе с мужем. Ему, видно, оформление документов стоило больших денег, потому что все было сделано очень быстро. Пока неповоротливая правоохранительная система сообразила выписать ордер на его арест, они с Розой уже больше недели были в Израиле. Так как других родственников не имелось, к бабушке заявился какой-то милиционер с повесткой от прокуратуры. Прочитав бумагу, бабушка пожалала плечами и саркастически спросила у растерявшегося посыльного, не собирается ли он посадить ее вместо сбежавшего афериста, который даже не является ее родственником. Тот еще поспрашивал, куда и когда уехал получатель повестки, как будто это могло ему помочь, и ушел. На том дело и кончилось.

Потом несколько лет они о Розе ничего не слышали и даже решили, что она навсегда исчезла из их жизни. И вдруг от нее пришло письмо. В нем она рассказывала, что они с мужем поселились у сестры в каком-то загадочном месте, которое называлось мошав. Муж ее снова занялся бизнесом. В Израиле, конечно, есть все, но ему удалось выяснить, чего же там все-таки не хватает. Оказалось, что там не шьют кожаных чехлов для музыкальных инструментов. Казалось бы, кому бы пришло в голову обратить внимание на такие вещи, а вот ему пришло, потому что у него был коммерческий талант. И вот он открыл мастерскую по пошиву кожаных чехлов, а потом еще и еще, и теперь он хорошо зарабатывает и ему не нужно бояться ОБХСС. А еще она написала, что высылает им посылку и, если они не против, будет время от времени посылать им подарки, так как сестра ее умерла, и других родственников у нее нет.

Мама и бабушка долго обсуждали это письмо. Конечно, получать посылки из-за границы было очень заманчиво. В стране полнейшего дефицита любая импортная вещь вызывала зависть и стоила на толчке очень дорого. Но, с другой стороны, посылки ведь будут приходиться не откуда-нибудь, а из самого Израиля. Вот уж, кто точно не пользовался в Советском Союзе популярностью, и мало, кого клеймили так яростно, как эту страну. Это был самый страшный и бесчеловечный агрессор, из всех когда-либо существовавших в мире. Да ведь Израиль только и делал, что угнетал несчастных арабов, развязывает кровавые войны против них, да еще и умудрялся побеждать. По телевизору и на всяких собраниях то и дело выступали люди, которым партия доверила побывать в арабских странах и которые с самым праведным гневом описывали, как издевается этот злобный Израиль над бедными Иорданией, Сирией, Египтом, Ливаном, Ливией и еще несколькими десятками беззащитных арабских стран. Правда, некоторые здравомыслящие люди все-таки недоумевали, как может такая крохотная страна, которая на карте изображалась всего лишь точкой, издеваться над занимающими огромные территории и пользующимися безграничной военной и экономической помощью Советского Союза и других братских стран, арабами, но на то они и были здравомыслящими людьми, чтобы помалкивать. Также очень распространены были выступления ученых, музыкантов, артистов еврейского происхождения, которые тоже гневно клеймили агрессора, и выражали желание собственными телами закрыть от пуль беззащитных арабских детей, а потом дома, закрыв двери и окна, слушали «Голос Израиля» и, узнавая о новых победах израильтян, гордились ими. Вообще-то все об этом догадывались, но вслух ничего не говорили, по крайней мере, официально, так как такая уж была эта страна Советский Союз, где никто и никогда не говорил правду, и где прекрасно умели читать между строк и улавливать мысли между словами.

Правда, однажды Юра слышал, как папа, смеясь, рассказывал маме и бабушке об одном их родственнике, который был военным и дослужился аж до подполковника, что для еврея было не так уж просто. Во время какой-то очередной израильской войны, развязанной как

обычно самим Израилем, хотя именно на его территорию вторглись объединенные танковые войска десятка стран, у них в части все офицеры побежали, как обычно, записываться в добровольцы в помощь арабам. Никто, конечно, это серьезно не воспринимал, и никуда посылать их не собирався, да им и самим это было надо примерно, как в голову дырка, но так уж было принято в те времена проявлять свою преданность социалистическим идеалам. Пошел и папин троюродный брат. Неизвестно, кто их там записывал, но в тот раз им попался человек с большим чувством юмора. Когда подошла очередь папиного брата, он добродушно его спросил

– Вы что, думаете, что мы записываем добровольцев и в ту и в другую сторону?

Любимым анекдотом советских евреев того времени был такой. Еврей стоит в кабинке телефона-автомата, звонит всем своим знакомым по очереди и говорит:

– Мойша, ты слышал? Мы наступаем.

– Аркадий, мы наступаем.

– Арончик, ты знаешь, мы наступаем.

Возле телефонной будки собирается очередь, самые нетерпеливые начинают стучать ему в дверь. Еврей поворачивается к ним и говорит:

– Слушайте, когда вы наступали в сорок пятом году, мы вам не мешали. Так не мешайте теперь нам.

Но, конечно, все эти анекдоты рассказывали шепотом, и также шепотом произносили название страны Израиль, а вслух это название могли произносить только антисемиты и партийные работники (что, в сущности, было одно и то же) и исключительно во время лекции по международному положению. И произносили они почему-то это название как Израиль, то есть с ударением на последний слог (видно им казалось, что так оно звучит презрительно, а может, даже и оскорбительно, что и требовалось донести до слушателей). И вот в такой обстановке стали приходить эти посылки. Вначале мама и бабушка, которые все еще помнили Сталина, испугались и решили от посылок отказаться. Но тут вмешался отчим (Юрин и Ритин папа тоже умер молодым, видно, такая была судьба у братьев). Отчим был человеком чисто русским, и заячьей крови у него было гораздо меньше, чем у тысячелетиями пуганых евреек, поэтому он веско произнес, что сейчас уже не тридцать седьмой год, и что за посылки их в тюрьму не посадят, а так как начальники они все небольшие, вернее, вообще не начальники, то бояться им практически нечего. На том и порешили, и Юрины и Ритины бабушка и мама стали щеголять в шикарных (по тому времени) синтетических шубах, а Юра и Рита в классных отстроченных брючках и в обуви, чем-то похожей на еще неизвестные в то время кроссовки. Иногда, правда, в посылках приходили и совершенно бесполезные вещи, такие, как например кофейные зерна в вакуумной упаковке. Бесполезные они были потому, что никаких кофемолок в продаже и близко не было, и как размолоть эти зерна никто не знал. Пакеты распаковывали, клали в кухонный шкафчик, и совершенно одуряющий аромат великолепного и недоступного кофе плыл по квартире. Однажды доведенный до отчаяния этим дразнящим запахом отчим схватил молоток и стал дробить поразительно твердые зерна. Он очень долго и старательно измельчал их, но порошка все равно не получилось, а получились твердые и колючие крошки. Их очень долго варили, но они так и не разварились, зато вода в кастрюле стала желто-коричневого цвета, очень напоминающего кое-что другое. Так как продукт уже испортили, решили все-таки выпить этот «кофе», но кроме запаха ничего от кофе в нем не было.

Примерно такая же история произошла и с мылом. В одной из посылок лежала упаковка необыкновенно красивых и ароматных брусочков мыла с экзотическим названием «пальмолив». У них в городе тогда самым изысканным мылом считалось «земляничное» за 14 копеек. Запах у него был совершенно конфетный, но хотя бы приятный по сравнению с тем как пахли остальные сорта туалетного мыла. И вдруг такая невиданная для простого человека роскошь. Сразу встал вопрос, что с этим мылом делать. Не мыться же им, в самом деле, оно же смывается, а ведь его так приятно и престижно демонстрировать знакомым. Может, брать его с собой в

баню, чтоб там все завидовали? Так ведь украдут или просто обругают за преклонение перед западом. В общем, мылу нашли достойное применение. Его положили в шкаф среди белья для запаха. Заодно с бельем заблагоухала и вся комната. Там оно и лежало, пока не окаменело. Вот такой абсурд.

Потом, однако, посылки прекратились, и бабушка, подумав, объявила, что Шейнер Рейзл, скорее всего, умерла. Она ведь уже немолодая, так что точно умерла, объясняла она, забывая, что сама все-таки старше ее на много лет. И вдруг пришел этот вызов. Правда в девяностые годы в Советском Союзе произошло много изменений и среди них самое главное, что евреев стали понемногу выпускать. Говорили, что этого добились американцы, которым всегда было дело до всех остальных народов и национальностей, в обмен на то, что Советский Союз что-то там подписал по разоружению. В общем, процесс пошел, по выражению тогдашнего правительства и выпускать стали к любым родственникам, или даже вообще без родственников, если был вызов. Многие уезжали по израильским вызовам, но прибыв в Вену, а другого пути, кроме как через Вену не было, отказывались ехать на историческую родину, а заявляли о своем желании ехать в Америку. Путь туда был намного сложнее, их отправляли сначала в Италию, где они ждали разрешения на въезд в Америку по восемь-десять месяцев. Эти месяцы, конечно, были мучительными, но дело того стоило, так как Соединенные Штаты, конечно, считались гораздо более солидной конторой, чем маленький еврейский Израиль.

Обо всем этом Рита и Юра, слышали, но особо не задумывались, так как ехать совершенно не собирались. Они были уверены, что у них в Израиле уж точно уже никого нет. Но вот оказалось, что есть, и доказательство лежит на столе, а они всей семьей сидят вокруг и решают, что делать. И хотя за окном сейчас действительно не тридцать седьмой год, дверь закрыта на ключ и на цепочку, а окна плотно зашторены. А посреди стола лежит письмо от Шейнер Рейзл, в котором она просит их приехать побыстрее, чтобы она могла передать им дом и все деньги, которые они с мужем нажили в Израиле, а еще вызов, то есть официального вида бумага с необыкновенной матерчатой печатью в виде красного круга с толстыми короткими лучиками.

– Ну, так, – открыл совещание отчим, – давайте будем решать, что с этим делать, то есть, ехать им или не ехать.

– А дедушка ваш так мечтал хотя бы увидеть Израиль, говорил, что ничего бы не пожалел, только бы съездить туда хоть на неделю, – вдруг задумчиво произнесла ни к селу ни к городу бабушка.

– На неделю это одно, а на постоянное место жительства это другое, – резонно ответил ей отчим. – Давайте ребята, говорите. Вы хотите ехать или нет?

После получения вчера вызова, ребята уже с утра успели подсуетиться и даже разыскали каких-то сохнутовских активистов, которые наглядно разъяснили им преимущества жизни в Израиле. Наглядно, потому что недавно приехали оттуда из гостей и привезли с собой немалые доказательства преимущества жизни при капитализме над их убогим существованием в условиях развитого социализма, – Вот, – говорили они, демонстрируя целую кучу нарядных пластмассовых часов, и, мешая правду с фантазиями, – такие часы у них стоят пару рублей на наши деньги. А такие магнитофончики, – они показывали маленький кассетный магнитофон, несбыточную мечту каждого советского подростка, – такие магнитофоны у них дают на сдачу. А такие калькуляторы вообще на улице валяются, – победно заключали они, видя, как загораются глаза у Юры и Риты, которые такие калькуляторы видели только у моряков заграничавания, продающих их за сумасшедшие деньги. Еще им рассказали, что лететь в Израиль они будут на двухэтажном Боинге, что там их встретят и сразу же поселят в роскошной гостинице, причем именно в роскошной, чтобы они поняли, что теперь будут жить на совсем другом уровне. И они могут сами выбирать, где они хотят жить, даже в самом большом городе. Им там найдут съемную квартиру, тоже самую роскошную и оплатят ее, и еще дадут денег на жизнь. В общем, капиталистический Израиль уже переливался и бушевал в их разгорячен-

ном воображении самыми яркими красками, и они были готовы бежать туда, но... все-таки они были еще дети, и, конечно, им было страшно уехать от мамы и бабушки, страшно и еще немного совестно, а вдруг с теми что-нибудь случится здесь, а они даже не смогут приехать. Поэтому, хотя в душе они уже были ТАМ, сейчас они сидели молча за столом, ожидая, что скажут взрослые.

Так, – первый начал отчим, желая быть объективным, – давайте посмотрим, что ожидает их тут, и на что они могут рассчитывать там. Начнем с Юры. Через пару лет он закончит институт и ему придется на год пойти в армию. Войны, конечно, сейчас нет, все хорошо, но ведь фамилия у него, вы не обижайтесь, самая что ни на есть еврейская, Рабинович. Когда я был в армии, – увлекаясь, продолжил он, – у нас был один парень, еврей. Звали его Вадик Фройнштетер. Хороший был парень, нормальный, все с ним вроде дружили, но как выпьют, тут же начинают кричать «стреляй Фройнштетера». А спроси их, чего его стрелять, они тебе тоже не скажут, так просто, стреляй и все. Потом протрезвеют и извиняются, но все равно, неприятно, – заключил он. – Теперь, что его ждет после армии? А ждет его зарплата в 120 рублей, и это на всю жизнь. И понятное дело, очередь на квартиру лет на 20–25, ну, в общем, как и всех, что здесь живут.

– Теперь берем Риту. Если она за три оставшихся года не выйдет замуж да еще за парня с высшим образованием, придется ей ехать в село на три года по распределению. А выходить здесь особенно не за кого. За русского вы не захотите, да ладно, я и сам это знаю, – остановил он пытавшихся для вида возразить маму и бабушку. – Да и будете правы, русский муж и запить может и рукам начнет волю давать. А вот, между прочим, еврейских мальчиков хороших, тоже не так много, и избалованные они все, мамочки их им цену не сложат. Им нужно, чтобы за невестой еще что-нибудь давали, квартиру, машину, например, и чтобы у невесты специальность была хорошая, чтоб мужа, значит, прокормить могла. И чтобы здоровая была, чтоб могла за ним ухаживать, я сам своими ушами слышал, как они разговаривают. А то что их сыновья все поголовно плюгавенькие или, наоборот, толстые вот с такими задницами, это они не считают. А Риточка наша, между прочим, красавица и умница, зачем же ей такие нужны? Да и характер у нее не тот, чтобы терпеть все это, и правильный у нее я вам скажу характер. А вот, что я вам еще скажу, это я недавно по телевизору видел, показывали израильских солдат, это у нас называется израильская военщина, так там ребята все как на подбор, здоровые, рост под метр девяносто, широкоплечие, у каждого в руках автомат, как дадут очередь по всем этим арабам... то есть, – смешался он, – я вообще не это хотел сказать. Я просто хотел сказать, что у нас тут не настоящие евреи. А вот настоящие евреи – это у них там, по ним же видно, что им не приходилось никогда скрывать, что они евреи и подделываться под кого-нибудь другого. Они – не пуганные, – веско заключил он. – Им даже и умными быть не обязательно.

– Я понимаю, что ты хочешь этим сказать, – задумчиво произнесла Рита, в то время как все остальные оскорбленно уставились на отчима. – Мы здесь все перерожденцы, потому что нам две тысячи лет приходилось приспосабливаться и, для того чтобы выжить, мы должны были быть умнее всех неевреев. Вот смотрите, нам с Юркой, для того чтобы поступить в институты, нужно было сдать экзамены намного лучше, чем русским. И потом, чтобы к нам хорошо относились в институте, мы за всякую работу должны хвататься первыми, все делать лучше и больше, чем они. Тогда о нас скажут, что мы хотя и евреи, но все-таки неплохие люди. А им там ничего никому не нужно доказывать, они и так хорошие. Мама, мы хотим туда.

– Но как же вы там будете жить одни, вы же еще дети, – всхлипнула мама, и бабушка тоже начала подозрительно вытирать глаза. – И институты как же? Сколько стоило трудов, чтобы вы туда попали.

– Вот, послушайте, – начал Юра, осознавая, что и он должен сказать свое решительное мужское слово, иначе рискует потерять авторитет в семье. – Мы сегодня встречались с людьми, которые только оттуда приехали. Они нам объяснили, что сразу после приезда нас отправят

в улыпан, это такие курсы по изучению иврита. Они совершенно бесплатные и нам еще будут давать деньги на жизнь, пока мы там учимся. А потом, когда мы выучим язык, мы сможем продолжать учебу у них в университете, и тоже абсолютно бесплатно, между прочим. Так что институты не пропадут.

– А что ж это за люди такие? – подозрительно спросила мама. – И чего ж они сами туда не едут, если там так хорошо?

– Это молодые ребята, муж и жена, и они тоже едут, но позже. Сейчас у них такое задание от Сохнута, это еврейское агентство, которое отправляет евреев в Израиль, разъяснять людям, что им там дают, на что они имеют право, и еще они будут учить нас ивриту, пока мы будем оформлять документы. Да, мама, они просили разрешения проводить уроки у нас, потому что они живут с родителями и у них маленький ребенок. Но ты не бойся, пока у них вместе с нами всего шесть человек набралось, так что мы тут поместимся.

– Да я этого не боюсь, – вздохнула мама, – занимайтесь, конечно. Я боюсь за вас, как вы там одни будете, и когда я вас теперь увижу? Может и вообще никогда, – уже откровенно расплакалась она.

– А вот этого не надо. Они когда устроятся и увидят, что там за жизнь, то и нас вызовут с мамашей, конечно, – вдруг заявил отчим и отчаянно покраснел, и они все неожиданно поняли, что это его сокровенная мечта, и как многие русские, у которых вообще нет надежды уехать, он стремится в Израиль гораздо больше, чем евреи, которые теперь могут выбирать, где им жить.

– Ну, да, а чего ж нет? – совсем расхрабрившись продолжил он. – Вы имеете полное право туда ехать, и я тоже, как официальный муж, член семьи, можно сказать.

– А как же ты там будешь жить, когда там все евреи? – ехидно спросила бабушка. – Ты ж у нас как выпьешь, сразу кричишь, что ты настоящий русский человек, и душа у тебя русская. И необрезанный ты, между прочим.

– Так Юрка ваш тоже необрезанный. Мы с ним там вместе и обрежемся, правда, Юра? – неожиданно объявил отчим.

Юра в ответ только неуверенно кивнул, сразу же представив себе эту процедуру и внутренне содрогнувшись. Вот об этом-то он и не подумал, но отступить уже было поздно.

– Ну, вот, – совсем приободрился отчим. – С этим вопросом мы решили. А что касается того, что там одни евреи, то я так не думаю. Туда многие своих русских мужей и жен повезут. Так что я там не один буду.

– Ну вот видишь, мама, дядя Толик прав, вы, конечно же, к нам приедете, и мы будем все вместе, – заметно повеселев, сказала Рита. – Так что мы поедем, а?

– Да что я, – все еще вздыхая, отозвалась также приободрившаяся мама. – Я же вам не враг. Поезжайте, конечно, если там так уж хорошо. Роза, я думаю, врать не станет. Раз сказала, что оставит и дом и деньги, то так и будет. Она вас действительно очень любила, когда вы были маленькие. Мама, а как вы считаете?

– Роза не обманет, – веско сказала бабушка. – Она, между прочим, очень хорошая женщина была, Гришу как любила. Я честно скажу, вряд ли ему с молодой женой так хорошо было бы как с ней. Вот только до чего я дожила, муж мой в земле и сыновья тоже, а я, можно сказать, с чужими людьми уеду, и могилки их брошу.

Она принялась вытирать глаза, а растроганные Юра и Рита кинулись ее обнимать.

– Бабушка, ну с какими же чужими людьми, что ты говоришь, – наперебой закричали они. – Ты же с нами там будешь, твоими родными внуками, и мама тебе ведь не чужая, вы с ней столько лет вместе живете.

– Да я и не считаю ее чужой, это ж я так просто сказала, – начала отбиваться от них бабушка, – должна же я хоть что-то сказать.

– А я вам разве чужой? – вдруг не выдержал отчим и выпрямился за столом с оскорбленным видом. – Да я ж к вам всегда относился с уважением и даже с любовью, можно сказать. Мамашей вас вот называю как родную, а вы мне "чужой".

– Да я ничего не говорю, Толик, ты хороший человек, хоть и не еврей, внуков моих любишь, я же вижу, просто, как же я могилки родные брошу, – уже по-настоящему расплакалась она.

Все растеряно замолчали, не зная, что ей сказать. Рита и Юра стали огорченно переглядываться, вот ведь как, все уже было хорошо и вдруг бабушка все испортит, если не захочет ехать. Мама ведь не бросит ее одну. И тут отчим снова всех удивил.

– Наши мертвые не в могилах, они в нашем сердце. Поэтому они всегда с нами, где бы мы ни были, – торжественно изрек он и, сам удивившись собственному красноречию, растеряно посмотрел на остальных, которые от изумления не могли сказать ни слова, а только молча смотрели на него, вытаращив глаза.

– Да, это правда, – также торжественно объявила бабушка, которой на самом деле тоже хотелось поехать – ты, Толик, очень даже прав. Я их увезу в своем сердце.

– Ну вот, все в порядке, – обрадовалась мама, а Юра даже пожал отчиму руку. – Значит, решено. Сначала едут Рита и Юра, а потом мы все.

И успокоенная семья принялась обсуждать, что детям нужно взять с собой.

* * *

На следующий день они начали собирать документы. Оказалось, что, прежде всего, нужно было взять анкеты в паспортном столе милиции и туда они и отправились прямо с утра. Отстояв положенную очередь, они вошли в кабинет, где сидела толстая грубая баба, одетая в милицейскую форму с обесцвеченными перекистью и залакированными буклями на голове. Узнав, зачем они пришли, она тут же прониклась к ним самой настоящей ненавистью и нарочно долго перебирала бумаги, как будто не могла сразу найти, то, что им было нужно. Зато за это время она успела громким противным голосом высказать им, что таких как они нужно сажать или лучше стрелять, потому что они предатели родины. Их здесь учили, кормили-поили, обеспечивали им счастливое детство, профсоюзные путевки в лагеря, а они теперь уезжают. Вначале Юра и Рита выслушивали все это молча, но когда, наконец, анкеты очутились в их руках, осмелели и объявили ей, что она орет на них, потому что им завидует, и, если бы у нее была возможность, она бы первая удрала из своей любимой родины. И вообще с расстрелом и тюрьмой, она опоздала, так как теперь не тридцать седьмой год.

Пока обалдевшая от их наглости паспортистка пыталась найти достойный ответ, они повернулись и вышли из кабинета, провожаемые откровенно завистливыми взглядами остальных трех женщин, сидевших за другими столами. Вышли они, кстати, очень довольные собой, что смогли дать отпор. В общем, первая высота была, так сказать, взята.

Зато вторая высота чуть не повергла их в самое настоящее отчаяние, хотя это был всего лишь маленький учебник иврита. Они с недоумением и ужасом вглядывались в самой странной формы значки, которые на самом деле были буквами. Кроме того, что они не походили ни на одну из известных им букв, они были еще и очень похожи между собой. Так, например, сколько они не вглядывались, найти различие между буквами рейш и далет, или между буквами каф и бет им совсем не представлялось возможным. А когда они еще и узнали, что в этом языке нет, только подумать, гласных букв, а есть вместо них какие-то странные огласовки, которые к тому же часто и не пишутся вообще, то совсем упали духом. Но их учителя, Лариса и Миша, строго велели им не паниковать, а для начала смотреть в подстрочник, где все слова транскрибировались такими родными и знакомыми на фоне загадочного иврита русскими буквами. Кроме них на занятиях присутствовали еще четверо, пожилые муж с женой, Семен Борисо-

вич и Берта Соломоновна, которые ехали в Израиль к своей дочке и внуку, и молодая пара, специально приехавшая на занятия из соседнего Николаева, Белла и Саша Певзнер. Саша отличался завидным оптимизмом не только в отношении иврита, но и вообще всей жизни в Израиле. У него был уже разработан план-минимум для начала жизни в Израиле и становления на ноги, и план-максимум для того, чтобы разбогатеть. Своим оптимизмом он заразил остальных и они все дружно принялись за освоение языка Торы. Труднее всего им давалось чтение, так как отсутствие гласных сводило на нет все их усилия прочесть слова. В конце концов, Рита и Юра решили, что лучше хитрить, чем позориться и стали читать исключительно по подстрочнику, однако делая вид, что читают иврит. Вначале им было немного стыдно, но приглядевшись внимательнее, они убедились, что другие делают то же самое. Так они и прозанимались все три месяца, читая русские буквы и стараясь это делать как можно незаметнее с риском заработать косоглазие.

Но нужно сказать, что с грамматикой и запоминанием слов дела у них шли гораздо лучше. Каждый при этом использовал свой метод, но лучше всех придумал, как это делать, Саша. Пользуясь тем, что ивритские глаголы имеют во всех временах одинаковые окончания, он сочинял из них стихи. Стихи, конечно, были те еще. Смысл в них был самый минимальный, но свою функцию они выполняли – помогали запомнить слова. Например, когда они учили прошедшее время, то стихи были примерно такие.

Ходили, гуляли – тияльну, галахну,
Искали еду – охель хипасну,
Зашли в магазин – ле ханут нихнасну,
Еду увидели – шам охель раину
Сначала схватили – кодем лякахну
Потом разобрались – ахарках гивину,
Хотели – роцину, купили – конину.

Конечно, полная чушь, но здорово помогали запомнить слова, и Саша ими очень гордился.

В общем, со стихами или без после трехмесячного курса они все могли довольно грамотно составить несложные фразы, если у них, конечно, было время продумать их сначала в уме. Все, кроме, одного несчастного Семена Борисовича, который старался чуть ли не больше всех, но к концу обучения запомнил только две фразы, «Аба ба», что означало «папа пришел», и лалехет барегель» – идти пешком. На уроках он ужасно пыхтел, потел, мучился и страдал, но на все вопросы учителей неизменно выпаливал одну из этих фраз, и ничего другого запомнить не мог. Его бедной жене было ужасно стыдно за него, Она подсказывала ему, уговаривала, ругала, но ничего не помогало. По-видимому, он был обречен прожить остаток жизни в Израиле, изъясняясь только этими двумя предложениями.

Что касается Саши и Беллы, то после окончания занятий в их отношениях с Ритой и Юрой стала проявляться какая-то странная мистика. На последнем занятии они тепло попрощались, понимая, что расстаются навсегда, так как Певзнеры собирались поселиться в центре страны, а Юра и Рита направлялись на север в район Хайфы. Но дальше все пошло очень странно. Все началось с того, что Юра и Рита поехали в Одессу легализовать свои свидетельства о рождении. Что означало легализовать, они не знали, но вроде их нужно было сдать и потом получить в каком-то другом виде. В Одессу они поехали на автобусе, который проезжал через Николаев. Выйдя через полтора часа на платформу, чтобы размять ноги, они тут же увидели прогуливающих там Беллу и Сашу, которые пришли встречать каких-то родственников. Через неделю Рита и Юра снова поехали в Одессу забирать свои свидетельства о рождении. Получив их почти в том же самом виде, они расписались в какой-то книге и поехали домой.

Только дома им пришлось в голову раскрыть свидетельства и посмотреть, что там написано. А написано там было в одном Белла Певзнер, в другом Александр. Удивившись такому совпадению и собственной глупости, из-за которой они не проверили свидетельства на месте, они стали искать телефон Саши и Беллы, но не успели еще его найти, как те уже им позвонили сами и сообщили, что они сегодня утром получили свои свидетельства и только сейчас догадались их проверить. У них были свидетельства Риты и Юры, но отдать их им они не могут, так как боятся, что если они их не вернут, им не выдадут их собственных.

– Выдадут, – успокоил их Юра, – тем более что ваши свидетельства у нас.

В общем, свидетельствами они обменялись в тот же день, не переставая охать и ахать и удивляться, как тесен мир.

Но мир оказался еще даже теснее, чем они думали, в чем они убедились, поехав почти через месяц за визами в Москву. Переночевав у Ритиной подруги, которой посчастливилось выйти замуж за москвича, они рано утром поехали в голландское посольство, где приютилось консульство Израиля. Уже издали они увидели растянувшуюся на километр огромную очередь изменников и предателей Родины, которые пришли получить израильскую визу. Пройдя в ее конец, Рита и Юра спросили, кто крайний, и уже почти не удивились, когда крайними оказались Белла и Саша. Сдав документы и выслушав приглашения прийти в четыре часа, они распрощались, и Рита и Юра поехали на Пушкинскую площадь осуществить свою самую заветную мечту – поест в Мак-Дональдсе, недавно открывшемся единственном на всю страну, о котором уже слагались легенды.

Выйдя на Пушкинскую площадь, они в ужасе и растерянности остановились. Вся площадь была окружена тройным кольцом очереди, в которой люди уже много часов ожидали возможности пообедать в американском заведении быстрой еды.

– Да, – подтвердила их мысль девушка в очках, за которой они заняли очередь. – Мак Дональдс назвал свои заведения “fast food”, то есть быстрая еда. Если бы он увидел, сколько часов здесь люди ждут эту быструю еду, он бы, наверное, повесился.

Но уйти, не побывав в легендарном Мак Дональдсе было невозможно и отстояв часов пять в очереди, они все-таки были допущены в этот рай. И надо сказать впечатление он произвел на них огромное. Множество подростков, одетых в фирменные футболки и диковинные тогда каскетки, носились по залу и работали за прилавком с огромным энтузиазмом и азартом. Как трудолюбивые муравьи сновали они туда и сюда от прилавка к кухне, накладывали чипсы, упаковывали бутерброды, ставили стаканы с коллой, выбивали чеки, убирали. Наверное, они все-таки уставали за смену, но со стороны казалось, что они все это проделывают играючи. И было видно, что они очень гордятся тем, что работают в американском кафе, и обслуживать посетителей они старались по-американски, быстро, вежливо и с приветливой улыбкой. А на лице приезжих подростков – посетителей была написана откровенная зависть и сожаление, что у них нет возможности работать в таком престижном и интересном месте.

С трудом добравшись к четырем часам к консульству, Юра и Рита увидели, что все уже собралось во дворе посольства. Очереди не было. Им объявили, что сейчас визы вынесут прямо сюда, потом будут называть фамилии и нужно будет подходить получать. Действительно через несколько минут вынесли стол, на него положили бумаги и человек за столом, взял в руки верхний лист.

– Иванов, – громко объявил он и по очереди прокатился смех.

Не поняв, по-видимому, в чем проблема, сотрудник консульства недоуменно посмотрел вокруг и взял в руки следующую визу.

– Телегин, – сказал он, и смех стал громче. Твердо решив ни на что не обращать внимания, служащий взял третий лист.

– Сидоренко, – прочитал он, и смех стал просто гомерическим.

– Интересно, есть ли тут хоть один еврей, – саркастически пробормотал стоящий недалеко от стола старик.

– Рабинович, – торжествующе воскликнул чиновник, высоко подняв над головой четвертый лист.

И вся толпа завистливо вздохнула и уважительно расступилась перед Юрой и Ритой, которые вышли вперед, чувствуя себя именинниками и впервые в жизни гордясь своей фамилией.

После получения визы им предстояло получить еще и билеты на самолет. Они попытались разыскать Сашу и Беллу, чтобы лететь вместе, но тех нигде не было видно, и они, взяв билеты с пересадкой в Варшаве на 24 июня, уехали домой. Добавить к этому можно еще только то, что когда 24 июня они вошли в так называемый накопитель в аэропорту, там, в креслах, уже восседали Саша и Белла вместе со своим пятилетним сыном Пашкой. Увидев их Саша, конечно, уже ничуть не удивился, а только сказал.

– Ребята, это судьба. Мы с вами не должны расставаться. Я думаю, нам тоже нужно ехать в Хайфу, тем более, что, в общем-то, в Тель-Авиве нас никто не ждет.

Но это все происходило гораздо позже, а до этого было еще очень много всяких дел и событий, которые теперь определяли Ритину и Юрину жизнь. Во-первых, институты. Им, конечно, пришлось сказать, что они уезжают, так как нужно было забрать с собой документы и справки. К их удивлению там очень спокойно отреагировали на их отъезд, никаких препятствий в выдаче документов чинить не стали. Только у Юры в институте парторг никак не мог понять, как Юру можно отпустить без комсомольского собрания, на котором его нужно было бы заклеить. В ответ на это декан ему спокойно объяснила, что те времена давно прошли, и что сейчас люди могут вполне легально уезжать из страны, и никакого преступления в этом нет.

– Да, это вам не 37-й год – уже привычно сказал обалдевшему парторгу Юра, и на этом все и закончилось. Кстати, за то время, что они собирались, вызовы получили еще десятки, если не сотни семей, и теперь уже очень многие паковали вещи и самым популярным анекдотом стал следующий. Два еврея стоят и разговаривают на улице, к ним подходит третий и, даже не поздоровавшись, заявляет.

– Я не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо.

В ОВИРе теперь можно было предъявлять вызовы не только от родственников, но и от кого угодно. К Рите и Юре почти каждый день приходили знакомые и незнакомые люди, диктовали им свои данные и просили прислать вызов сразу же, как только они приедут. Знающие люди, умудренные опытом уезжавших в семидесятые годы, советовали им записывать эти данные на краях полотенец, а потом подшивать эти края, так чтоб ничего не было видно, а то у них могут быть неприятности на таможне, если обнаружат, что они везут с собой адреса. Все это оказалось полной ерундой. Советскому государству к тому времени уже было наплевать на своих пропавших сыновей и дочерей еврейского происхождения, и единственное, о чем оно заботилось, это то, чтобы те не вывозили слишком много ценностей. Но у Юры и Риты никаких ценностей не было, поэтому им вообще не о чем было беспокоиться.

Зато очень сильно забеспокоился Вовка, хотя беспокоиться и суетиться было его нормальным состоянием. Вообще, о Вовке нужно рассказывать отдельно, так как в своем роде он был личностью, если не выдающейся, то уж во всяком случае, не ординарной.

Вовка был Юрин самый близкий и самый давний друг и знакомы они были с рождения. Ритин и Юрин двор был сквозным. Через узкий проход между домами можно было выйти в другой двор, который выходил на другую улицу. В их доме этот двор так и назывался «тот двор». Так вот Вовка жил в «том дворе», но целыми днями торчал в этом, не считая моментов, когда Юра и Рита вместе со всеми остальными детьми переходили в тот. Вовка гордо носил еврейскую фамилию Кушнир и, так как дружил с Юрой Рабиновичем, считал себя евреем, хотя по сути таковым не являлся. Евреем у него был только отец, который развелся с его мате-

рю, когда он еще только родился, но все-таки иногда приезжал повидать сына. А всю жизнь Вовка прожил с матерью, очень милой, но чисто русской женщиной, тетей Клавой, как называли ее Рита и Юра. Тогда, до того времени, конечно, когда начался массовый исход в Израиль, многие еврейские дети, достигнув возраста, когда нужно было поступать в институт, всеми правдами и неправдами пытались взять себе русскую фамилию каких-нибудь родственников или вообще записаться русскими. Их в шутку называли «Иванов по матери». Так вот, Вовка в буквальном смысле был Иванов по матери, так как фамилия его мамы как раз и была Иванова. Хотя замуж она больше так и не вышла, на Вовкиного отца она зла не держала, так как сама считала, что она ему не пара. Вовкин отец, опять-таки, по бабушкиному выражению, был большим человеком. Он окончил институт и аспирантуру, и, по-видимому, действительно был очень талантливым человеком, если ему, еврею, удалось защитить докторскую диссертацию. На тете Клаве он женился случайно, будучи в молодости в их городе на практике. Она тогда работала раздатчицей в столовой, где он питался. Ей было жалко, вечно голодного студента, она и пригрела его, а когда он узнал, что она беременна от него, то, как честный человек, тут же женился. Его родители, которые цену ему сложить не могли и до этого отвергали даже очень состоятельных невест из самых приличных еврейских семей, так как ставили его рейтинг как жениха очень высоко, пришли в дикий ужас и приложили все усилия, чтобы их развести. Они и развелись, но сына он признавал, и алименты платил исправно. Вовка с мамой вообще не бедствовали. Умная и энергичная, и, надо отдать ей должное, красивая женщина, она выбилась сначала в заведующие столовой, а потом стала заведовать продовольственным складом, где получали продукты все детские учреждения города. Что это значило в условиях всеобщего и полного дефицита, могут понять только те, кто жил в небольшом городе в то время. Тетя Клава была королевой мяса и всего остального, и ничего недоступного для нее в городе не было. Но Вовке всего этого было мало. Его беспокойная душа и авантюрный склад характера требовали больших дел и больших денег, а самое главное – свободы. Сейчас Вовкин отец уже пять лет как жил со своей другой семьей в Америке и действительно хотел забрать к себе Вовку. Но из Советского Союза тогда начали отпускать только в Израиль, и вызов из Америки не годился. Последнее время Вовка только и делал, что ломал голову, как добыть вызов из Израиля, а тут вдруг можно сказать счастье привалило. В Израиль ехали его самые лучшие друзья, и вызов ему точно был обеспечен. Тут же на ходу он сменил все свои планы. Обычно те, кто хотел ехать в Америку выезжали по израильскому вызову, а в Вене, где была пересадка, заявляли, что хотят в Америку и их направляли в Италию, где они жили около восьми месяцев, ожидая аффидавита от американских родственников и разрешения на въезд в Соединенные Штаты.

Но Вовка вдруг решил осчастливить Израиль своим кратким, но эффективным пребыванием в нем. Причина была в том, что он твердо решил приехать к отцу не с пустыми руками, а с порядочными деньгами, которые он собирался заработать там. Так учи иврит, говорили ему Рита и Юра, как же ты будешь работать без иврита?

– А кто вам сказал, что я собираюсь там работать, – отвечал Вовка.

– А как же ты заработаешь деньги? – недоумевали они.

– Ребята, – снисходительно начинал объяснять он. – Тот, кто работает, денег не наживет. Богатеет не тот, кто работает, а тот, кто думает. Я, как Остап Бендер, знаю кучу способов сравнительно честного отъема денег, и один из них обязательно сработает. В общем, за меня не беспокойтесь, главное, не тяните с вызовом.

Рита и Юра не только с вызовом, они и с отъездом тянуть не хотели, так как уже настроились на другую жизнь. Но ничего не поделаешь, им нужно было закончить учебный год в институтах, чтобы потом в Израиле продолжать учебу, а не начинать сначала. Причина, конечно, была самая уважительная, но к Шейнер Рейзл они опоздали. В начале мая к ним пришло письмо от израильского нотариуса, в котором их официально уведомили о кончине их родственницы, гражданки Израиля, госпожи Розы Богуславской (во всех трех браках она сохра-

няла свою девичью фамилию), и что согласно завещанию покойной они являются ее единственными и полноправными наследниками. Хотя эту тетю Розу они и не помнили, но все-таки им стало совестно, за то, что они не поспешили, как она их просила, и ей пришлось там умирать в одиночестве. Но с другой стороны им было очень приятно чувствовать себя богатыми людьми, которым не нужно волноваться за свое будущее в чужой стране. Все остальные едут туда просто так наудачу, а их там ждет наследство и обеспеченная жизнь. Жаль только, что им не написали из чего состоит их наследство, и действительно ли там есть что-то стоящее. Кстати, у своих учителей Юра и Рита выяснили, что такое мошав, где они должны были получить дом. Оказалось, что мошавы, это небольшие поселки, где состоятельные люди в богатых домах, наслаждались тишиной и покоем, так как кроме этих самых домов, там больше ничего не было.

– Мы вам не советуем ехать жить в мошав, особенно сначала, – сказали им Миша и Лариса. – Во-первых, там невозможно жить без машины, так как ни добраться туда, ни выехать оттуда не на чем, а во-вторых, вам ведь нужно будет ходить в ульпан, то есть, на курсы иврита, а для этого нужно жить в городе. Да и потом, когда вы пойдете продолжать учиться, как вы будете ездить?

Уезжавший раньше их Семен Борисович, оставил им номер телефона своей дочери, пообещав, что она приготовит им квартиру на съем в Хайфе, рядом с ними. Обрадованные мама и бабушка тысячу раз попросили его и БERTУ Соломоновну присматривать за их детьми, и, так как Роза все равно уже не ждала их в этом мошаве, они решили ехать в Хайфу.

22-го мая Юра и Рита, распрощавшись, наконец-то, со всеми родственниками, сокурсниками и друзьями выехали на поезде в Москву. 23-го они должны были прибыть туда, а 24-го улететь навсегда. Вначале мама и отчим собирались ехать с ними, но ребятам удалось отговорить их от этой глупости. В самом деле, они на следующий день улетят, а родителям потом нужно будет добираться от аэропорта к Ритиной подруге, а потом на вокзал и еще сутки ехать домой. Вовку, рвавшегося с ними в Москву, тоже еле уговорили остаться дома, так как побоялись, что он, со своей склонностью ко всяким авантюрам, дезорганизует всю поездку. Они очень боялись, что на вокзале мама и бабушка будут плакать, но те держались очень мужественно, наоборот, еще подбадривали приунывших эмигрантов и говорили о скорой встрече. А вот у отчима, как ни странно, глаза оказались на мокром месте, и, обняв на прощание своих приемных детей, он всхлипнул и, махнув рукой, пошел прочь, пряча лицо. Вовка же, который тоже, естественно, был на вокзале, не замолкал ни на минуту, давая им советы, которые считал очень полезными.

Наконец, подошло время отхода поезда. Конечно, у них у всех глаза наполнились слезами, но, слава богу, им пришлось пройти в купе, поезд тронулся, и они, успокоившись, стали устраиваться поудобнее и мечтать о новой сладостной жизни.

Их попутчиками оказались мужчина и женщина средних лет, люди простые, но с приятными русскими лицами, очень приветливые и доброжелательные. Это были муж и жена, которые возвращались после летнего отдыха на море в свой город в средней полосе России. Как всегда в пути завязался разговор. Отвечая на их вопросы, ребята почти честно рассказали о себе все, кроме самого главного, что они уезжают в Израиль. Просто сказали, что едут на каникулах к Ритиной подруге погулять в Москве. Попутчики отнеслись к этому с пониманием, посоветовали, куда пойти, что посмотреть и как спрятать деньги подальше, чтобы их не обокрали. Рите и Юре даже стало как-то неудобно, что они обманывают таких приятных людей. Притворяются их соотечественниками, а на самом деле у них даже уже советского гражданства нет, как будто бы они действительно предатели и изменники Родины. Но дальнейшее развитие событий полностью вымело из их голов эти благородные сожаления.

Женщина предложила поужинать и стала выкладывать продукты. Юра и Рита тоже естественно вытащили то, что им приготовили мама и бабушка. И тут на столе появилась неизбежная бутылка водки. Мужчина налил себе и жене и стал, конечно же, приставать к Юре и Рите,

чтобы они тоже выпили за знакомство. В купе было жарко, пить водку совсем не хотелось, но мужчина становился все более и более навязчивым. Спасла их его жена, которая заявила, что ребята совсем молодые и пить им действительно не нужно. Обидевшись, мужчина выпил вместе с ней и тут же налил себе вторую порцию. К их удивлению вскоре он потянулся за третьей и пошло-поехало. Время от времени его жена пыталась протестовать, но как-то очень вяло, видимо, понимая, что он все равно ее не слушает. А он и не слушал, ел и пил и с каждой минутой становился все грубее и агрессивнее. Добродушие и приветливость облетали с него как шелуха, глаза налились кровью, он бормотал что-то нечленораздельное, смотрел на них с беспричинной враждебностью, и не выпускал уже бутылку из рук. Юре и Рите стало даже как-то не по себе, только пьяной драки им еще не хватало теперь, когда у них даже нет паспортов, и они особенно уязвимы.

– Ничего, не бойтесь, – увидев, что они заволновались, стала успокаивать их его жена, – Он драться не будет, сейчас допьет до конца и ляжет спать.

То, что он от бормотания перешел почти на крик и ругался через каждое слово матом, она, видимо, считала совершенно безобидным времяпровождением, не причиняющим никому ни вреда, ни неудобства.

И действительно, через некоторое время мужчина улегся спать, но как-то странно, не на полке, как положено, а на полу, заняв все свободное пространство, так что Юра и Рита даже не могли выйти из купе. Когда они все-таки попытались переступить через него, он стал хватать их за ноги и тянуть назад, опять-таки страшно ругаясь и угрожая, что всем им покажет. Его жена пыталась уговорить его пропустить ребят, но опять-таки как-то вяло, то ли понимая, что он ее все равно не слышит, то ли считая, что это все в порядке вещей и ничего страшного не происходит. Бедным Юре и Рите ничего не оставалось, как сидеть на своей полке поджав ноги и мечтая, чтобы этот идиот, в конце концов, утомился и уснул. Наконец, его опьянение перешло в последнюю стадию. Он уснул там, на полу, но время от времени все-таки матерился, не открывая глаз, но самое ужасное, что он стал каждую минуту портить воздух, издавая громкие звуки. В маленьком купе стало просто нечем дышать. Жена же его, то ли делая вид, что ничего особенного не происходит, то ли действительно так считая, стала спокойно стелить себе постель, готовясь ко сну.

Совершенно отчаявшись и одурев от тесноты и вони, Юра и Рита, ступая прямо по телу придурка, выскочили в коридор и побежали к проводнице. Она сидела в своем купе, разговаривая с коллегой из соседнего вагона. Возмущенные и перепуганные Рита и Юра поведали ей свою беду и попросили перевести их в другое купе. Она пошла вместе с ними к их купе, открыла дверь заглянула, поморщившись, но повернувшись к ним, только развела руками. У нее все купе были заняты, летом так обычно и бывает, все поезда набиты под завязку.

– Знаете, ребята, – сказала им вторая женщина, – сейчас только в СВ могут быть свободные места. Знаете, их ведь держат для начальства, вдруг они захотят поехать в последнюю минуту, а если среди них желающих нет, то вагон и идет почти пустым. У вас деньги найдутся доплатить проводнику?

Конечно, деньги у них нашлись, да и что им было делать. Добрая женщина повела их в спальный вагон и, доплатив десятку до билета и десятку сверху, они получили прекрасные места в двухместном купе. Когда они вернулись к себе, чтобы забрать вещи, их попутчик по-прежнему лежал на полу, а его жена, как ни в чем не бывало на полке. Пользуясь тем, что он теперь спал мертвецким сном, они быстро схватили свои вещи и ушли, счастливые, что наконец-то избавились от своих приятных соседей.

В их новом купе были, слава богу, только две полки, верхняя и нижняя, а с другой стороны стояло большое кресло. Там же находилась какая-то дверь. Открыв ее, они обнаружили туалет и умывальник и дверь в соседнее купе. Она было заперта. Вверху в потолке к своему восторгу они даже увидели воронку душа, но он, конечно же, не работал. Действительно, зачем

советским людям в такую жару в поезде без кондиционеров душ? Не баре, небось, дома помоятся. Рита и Юра впрочем и не были в претензии, в конце концов, они родились и выросли в стране, где горячую воду отключали регулярно на все лето, так что их гораздо больше удивил бы работающий душ. Главное же было то, что они, наконец, остались одни. Воспользовавшись этим, Рита вытащила из сумочки оставшиеся деньги и полученные в банке легальные доллары и стала их пересчитывать. И тут вдруг дверь их купе открылась, и внутрь заглянул мужчина в белой куртке. Оказывается на радостях они забыли закрыть дверь. От ужаса, что их застали с долларами, что тогда вообще, было для советских граждан настоящим криминалом, Рита только пискнула и попыталась прикрыть валюту ладонями. Но мужчина, поглядев на их испуганные лица, только засмеялся и сделал успокаивающий жест рукой. Оказалось, что он всего лишь работник ресторана и пришел предложить им принести ужин в купе.

Хотя в этом купе Рита и Юра уже стали как будто бы привыкать к роскошной жизни, ужин из ресторана, да еще доставленный прямо в купе, они все-таки не смогли себе позволить. Не потому, что у них не хватило бы денег заплатить, деньги у них как раз были, перед их отъездом бабушка отменила свою страховку, которую платила чуть ли не двадцать лет, и дала им достаточно денег с собой. Скорее всего эти деньги они не успеют потратить завтра в Москве, и они вообще пропадут, но заказать ужин из ресторана они все равно не могли. Не то воспитание, не привыкли они к такому, да и все тут.

– Чертов комплекс бедного человека, – досадливо вздохнув, сказал Юра, когда официант ушел. – Есть ведь деньги, а потратить их на себя не можем. Что ж мы за люди такие? Как ты думаешь, мы избавимся от этого?

– Если и избавимся, то не скоро, – так же задумчиво ответила ему Рита. – Мы же с тобой всю жизнь слышали одну и ту же фразу «сейчас у нас нет денег» как будто бы они когда-нибудь должны были у нас появиться. Знаешь, что я недавно прочитала? Что Моисей водил евреев сорок лет по пустыне совсем не потому, что не знал дорогу, а потому, что хотел, чтобы все взрослые люди, которые помнили, как они были рабами, умерли, и остались бы только молодые, которые помнили себя только свободными людьми. Видишь, он не надеялся, что рабы смогут избавиться от рабской психологии, даже если будут свободными.

– Так что, мы так никогда и не будем позволять себе ничего хорошего в жизни? – ужаснулся Юра. – Ну, уж нет, я буду с этим бороться. Интересно, сколько нам оставила эта благословенная тетя Роза, – уже мечтательно произнес он, и они оба сладко вздохнули. Да, их ожидает совсем новая волшебная жизнь.

На следующий день они благополучно, без новых приключений прибыли в столицу нашей Родины Москву, переночевали все у той же гостеприимной подруги, потом поехали в аэропорт, встретили там Беллу и Сашу в этот раз с сыном, и поднялись на борт самолета. Это был советский самолет. На нем они долетели до Варшавы, где их всех заперли в буквальном смысле в небольшом зале ожидания, Часа через два зал открыли, и им разрешили выйти на летное поле. К своему удивлению они обнаружили, что их охраняют, и не просто какая-нибудь там милиция, а крепкие молодые люди с самыми настоящими автоматами в руках. Потом им велели найти свои чемоданы и указать на них, когда их спросят. Как только Юра и Рита нашли свои вещи, к ним подошел высокий черноволосый и очень симпатичный парень, внимательно посмотрел на них, потом наклеил какие-то бумажки на их чемоданы и жестом показал, что они могут их взять. Они и взяли их в руки и растерянно посмотрели на него, не зная, что делать дальше. И тогда он снова рукой указал им в направлении огромного Боинга, стоявшего впереди, и вдруг улыбнулся им такой чудесной улыбкой, что у Риты замерло сердце. А он еще и взял ее за плечи, легонько подтолкнул в направлении самолета и мягко сказал – Шолом у легитраот.

И пошел к другим пассажирам, правда, все еще оглядываясь на Риту и улыбаясь ей. А она стояла с полными слез глазами, потому что вдруг действительно поняла, что отчим был прав, и ОНИ совсем не те запуганные евреи, которые живут в России, а другие, свободные,

бесстрашные и гордые своим еврейством. И еще она заплакала, потому что поняла, что теряет его навсегда и даже, если там, куда они едут есть много таких как он, все равно они ей не заменят его одного, первого и единственного.

– Ритка, ты что плачешь? Чего это ты? – удивлено спросил Юра, поглядев на нее.

– Как же ты не понимаешь, Юрка, – прерывающимся от слез голосом, ответила она. – Ты видел, как он улыбнулся? Это же первая улыбка Родины, и какая же она чудесная.

* * *

Потом они не раз еще проливали слезы умиления. В конце концов, для этого нужно было немного, например, посмотреть передачи первого канала израильского телевидения до самого конца. В двенадцать часов ночи передачи заканчивались, и по телевизору исполнялся израильский государственный гимн «Ха-тиква». На экране в это время под торжественно льющуюся музыку трепетали на ветру три бело-голубых флага, средний повыше, и два по краям пониже. Когда раздавались последние звуки гимна, музыка усиливалась, поднималась вверх, и вдруг, как бы повинувшись ей также резко и гордо взмывали вверх флаги и оставались так до самого конца. И они смотрели на это каждую ночь, и каждую ночь плакали от счастья и от гордости за свою страну и свой народ.

Но это было потом, когда они уже более или менее обжились и купили телевизор. А пока они еще в самолете начали понимать, что явились в этот новый для них мир совершенно неподготовленными. Взять хотя бы то, что они продолжили свой полет в самом настоящем Боинге. И там внутри самолета была лестница, ведущая, только подумать, на второй этаж, где был самый настоящий бар. Как будто бы они могли набраться смелости подойти к этому бару и заказать что-нибудь. А двери гармошкой без всяких ручек в туалете? Черт его знает, как их открывают и закрывают, еще не выйдешь оттуда, лучше уже потерпеть. А краны в тех же туалетах? Они тоже не открываются и не закрываются ничем, нужно, оказывается, просто поднести к ним руки, а потом их убрать. И все, вода будет течь на руки, пока они там, и сразу же перестанет, когда их там нет. Но ведь об этом надо было догадаться. Хорошо еще, что с ними был неунывающий Саша, начисто лишенный всяких комплексов, а то они так бы и просидели все время полета, не сходя с места, и не решаясь ни о чем спросить.

Но это было только начало. В аэропорту имени Бен-Гуриона в зале, где они дожидались, пока им выдадут документы и отправят дальше, на столах лежали горы нарезанных на ломтики апельсинов. А они до сих пор видели апельсины только несколько раз в году, и всего по несколько штук, с трудом раздобытые по большому благу. А потом им еще выдали удостоверение новых иммигрантов и деньги, целое состояние, девятьсот шекелей на двоих. Вернее, это они так подумали, что это очень много, ведь средняя зарплата советского человека была сто двадцать рублей. Но оказалось, что девятьсот шекелей это примерно как девяносто рублей, и дали их только на первые несколько дней, а остальное они должны были получить там, куда поедут жить. Им дали телефон, чтобы они связались с родственниками в Израиле, и они позвонили дочке Семена Борисовича и Берты Соломоновны. Та, уже ждала их звонка и даже очень им обрадовалась. Оказалось, что она уже сняла им квартиру, вернее, договорилась с хозяевами сразу двух квартир, чтобы они могли выбрать. Квартиры были одна двухкомнатная, а другая чуть подороже, трехкомнатная.

– Это очень хорошо, что есть две квартиры, – обрадовано сказала Рита по телефону. – Мы возьмем обе. Видите ли, с нами приехали друзья, Белла и Саша с сыном, я не знаю, рассказывали ли вам ваши родители о них...

– Рассказывали, рассказывали, – радостно закричала ее собеседница, – Это же просто замечательно, что они тоже едут сюда. Как хорошо, что я нашла две квартиры. Так вы едите все ко мне, а потом я вас поведу и покажу квартиры. Записывайте адрес.

Записав адрес и положив трубку, они с недоумением уставились на бумажку. Слова Хайфа, там не было вообще. Названием города выступала какая-то загадочная Кирьят-Ата.

– Интересно, – задумчиво сказал Саша, – что такое Кирьят-Ата и куда мы едем?

– Ладно, потом разберемся, – рассудительно ответила ему жена, – сейчас поедem туда, а потом видно будет. Может, это какой-то пригород Хайфы.

И они поехали, на такси, которое им опять-таки предоставили бесплатно, и которое представляло собой огромный и невиданный ими раннее автомобиль рассчитанный на девять человек. Впереди рядом с водителем были места для двоих, туда сели Рита и Юра, а сзади были еще два сидения, среднее и заднее, так что кроме Певзнеров, там уселось еще одно семейство, направляющееся в не менее загадочный Кирьят-Хаим.

Сам аэропорт они не видели, их вывели из таможни прямо к такси. Но при выезде из аэропорта они сразу увидели то, что отличало его от любого аэропорта в их стране. На высоком постаменте стояла огромная ярко красная банка кока-колы.

– Ха, видали? Они здесь кока-колу рекламируют. Чтобы, значит, покупали. Зажрались, – беззлобно прокомментировал Саша, и все его поняли. Там, где они жили, кока-колы не было, о ней только знали по книгам и видели в кино.

Потом они все жадно прильнули к окнам, стремясь поскорей увидеть этот совсем новый для них капиталистический мир. И действительно, скоро им в глаза бросились огромные красивые здания, с роскошными вывесками на английском языке.

“PHILIPS”! – обрадовано закричали они, увидев единственное знакомое слово. “MICROSOFT”, “XEROX”, “IBM”, наперебой читали они названия знаменитых фирм, о которых знали только понаслышке.

– Черт, а это что? – попробовал прочитать на одном из зданий название на иврите Саша, – בנק "какой-то, интересно как он читается банак, что ли?"

– Или бенек? – попробовал прочитать по-другому Юра, и несколько секунд они наперебой выкрикивали варианты этого слова. Но тут шоссе слегка повернуло, и они увидели на другой стороне здания надпись по-английски “BANK” и начали дружно хохотать.

– Попробуй понять, что это такое, если там гласных нет, – смущенно стал оправдываться Саша. – Ох, мы с вами тут еще натерпимся от этого языка, – пророчески добавил он, и они, глядя на значки, больше напоминающие иероглифы, чем буквы, только вздохнули.

Кирьят-Ата оказался небольшим городком недалеко от Хайфы. Как объяснила им Марианна, это был город-спальня, то есть, люди в нем жили, но учились и работали в Хайфе, куда ездили на автобусе каждое утро и возвращались вечером назад. Городок был так себе, серенький, никаких небоскребов в нем не было, а в основном улицы были застроены скромными четырехэтажными домами, изредка попадались восьмиэтажные. Правда, несколько больших супермаркетов они все-таки увидели, а также великое множество маленьких магазинов, в витринах которых были одежда и обувь красоты неопиcуемой, а также самая лучшая техника, мебель, в общем, все, из-за чего у них в их родном городе уже давно бы началось смертоубийство.

Марианна встретила их очень радушно. Как они потом поняли, она всегда была полна радостной, бьющей через край энергией, а мысль о том, что в ее помощи сейчас нуждается целая группа несведущих в местной жизни людей, вообще приводила ее в восторг. Семен Борисович, Берта Соломоновна, и симпатичный мужчина, муж Марианны, уже ждали их за накрытым столом. После обеда муж Марианны повез их вещи к их дому, а они пошли пешком, так как оказалось, что это совсем недалеко. Правда, квартиры, да и сам дом разочаровали гостей. Они по наивности думали, что при капитализме все должно быть роскошным. Дом, где жила Марианна действительно был новый и красивый, и квартира у них было очень большая. Там на Украине, в своем скромном маленьком городке они не видели таких больших квартир. А вот их дом оказался скромным, похожим на обыкновенную хрущевку. Квартиры в нем тоже

были небольшие, но Марианна быстро утешила их, сказав, что и сами они начинали с такой же квартиры, а вот после купили другую побольше, а потом еще больше, пока не дошли до этой. А для начала как раз очень хорошо, что, во-первых, они все вместе и рядом с ней и ее родителями, а во-вторых, в этих домах квартиры на съём недорогие, им сейчас это очень важно. Неунывающий Саша тоже признал, что это действительно сейчас для них очень существенно, а Юра и Рита только переглянулись. Они никому не говорили о наследстве, просто сказали, что у них в мошаве живет дальняя родственница.

Юрина и Ритина квартира оказалась на первом этаже. Две небольшие комнаты, правда, отдельные, кухня, сидячая ванна, туалет и лоджия. Ничего особенного, но они решили, что им подойдет, а Саша и Белла даже еще не увидев своей квартиры, тоже были согласны. В конце концов, какая разница, какую квартиру снимать, все равно ведь это временно.

– Вы нам лучше скажите, где здесь близко есть продуктовый магазин, нам нужно скупиться, у нас же ничего с собой нет, – спохватилась Белла.

– Ой, – вдруг испуганно сказала Марианна, – вы не сможете сегодня ничего купить. Все уже закрыто.

– Как это? – удивились они, – сейчас же только пять часов. У вас что все магазины так рано закрываются?

– Так ведь сегодня же пятница. В пятницу все закрывается в два часа. Я совсем забыла об этом.

– Черт, что же теперь делать? Может здесь есть какое-нибудь кафе поблизости? – озабоченно спросил Саша.

– Вы не поняли. У нас в пятницу все закрывается рано, все абсолютно.

– Так что же нам теперь делать? – теперь уже совсем растерянно переспросила Белла.

– А ничего и не делать, – невозмутимо сказала Берта Соломоновна. – Мы, между прочим, живем в этом доме напротив. Сейчас кто-нибудь из вас пойдет с нами, и я вам дам продуктов и на ужин и на завтрак.

– Спасибо, но нам только на ужин. Завтра я пораньше сбегаю в магазин и все куплю.

– Завтра ты ничего не купишь, – все так же невозмутимо отозвалась Берта Соломоновна – Здесь в субботу все закрыто, абсолютно все. Поэтому я вам дам продукты на ужин и на завтрак, а на обед я вас всех жду к нам.

– Да, да, – поддержал жену Семен Борисович. – Мы так и планировали, что один день вы обедаете у Марианны, а второй у нас. Так что все в порядке, все идет по плану.

– Ой, – опять вдруг всполошилась Марианна, – как же мы дадим им еду на завтра? У них же нет холодильника, все же испортится до утра. Давид, – обратилась она к мужу, – нам нужно немедленно подойти к Ави. Он недавно спрашивал, кому нужен холодильник. У него есть большой холодильник, ему уже не нужный, старенький, конечно, но морозит как зверь. Уже шабат, так что сегодня он не может его вам привезти, а завтра вечером привезет обязательно. А вот что делать сейчас?

– Да все очень просто.

Берту Соломоновну, по-видимому, застать врасплох было невозможно. – Я им дам копченую колбасу и сыр. Ничего до завтра с ними не случится, только покушаете все с утра пораньше. А в два часа мы вас будем ждать на обед.

На том и порешили. Саша и Юра пошли к Берте Соломоновне за продуктами, а Марианна повела их смотреть квартиру для Саши и Беллы. Она тоже оказалась небольшой: гостиная и две маленькие спальни. Непривычно было только отсутствие прихожей, входная дверь открывалась прямо в гостиную, которая здесь, оказывается, называлась салоном. Еще непривычными были алюминиевые жалюзи на всех окнах. Они назывались триссы и благодаря им квартира не раскалялась за день от солнца, а живущие в ней люди не жаривались живьем.

Вернулись гонцы с продуктами, и, несмотря на усталость, они решили пойти прогуляться к центру города. Показав им куда идти, Марианна с мужем уехали домой, и они оказались предоставленными сами себе. Им тут же стало как-то одиноко и неуютно, все-таки они одни в чужой стране. А родители, из-под опеки которых они всю жизнь рвались освободиться, теперь действительно были очень далеко. И, хотя им всем было как-то не по себе, они старались не показывать этого, все-таки взрослые ведь люди, и тем более ребенок с ними. Да они и не в чужую страну приехали, а вернулись на свою историческую родину. Так каждый из них мысленно говорил себе, но странная вещь, вроде и не очень хорошо им там жилось, и всего им там не хватало, и каждый там мог их обозвать жидами и посоветовать убираться в свой Израиль, а все равно они чувствовали, как непрощенная ностальгия уже берет их за горло.

* * *

Тот первый вечер на чужой земле они запомнили надолго. Тогда они долго шли по незнакомым странным улицам, с любопытством присматриваясь ко всему, что им встречалось по пути. Вроде это были обычные улицы, обычные дома, но все равно что-то в них было не такое как на их далекой теперь Украине. Во-первых, дома. Здесь они все были четырехэтажные, а у них там строили только пятиэтажные; во-вторых, по краям тротуаров росли самые настоящие пальмы и еще какие-то не то деревья, не то огромные кусты, усыпанные роскошными белыми и розовыми цветами. Кое-где за низкими заборчиками виднелись деревья с маленькими только что появившимися лимонами или мандаринами. Еще поражало обилие синагог с обязательными менорами. Возле них стояли или шли к ним странно одетые люди, мужчины в обязательных белых рубашках и черных брюках. На головах у них были или маленькие шапочки или настоящие большие шляпы с круглыми полями. Причем шляпы могли быть даже у очень молодых парней или у десятилетних мальчишек. Многие из них были, несмотря на жару, одеты в черные костюмы. Женщины все были одеты в длинные юбки или платья, на головах у них были шляпы или какие-то странные повязки. Самое удивительное, что эти наряды были довольно разнообразны и красивы и делали своих обладательниц очень женственными и грациозными. Даже совсем маленькие девочки бегали в длинных очаровательных платьицах, в белых колготках и нарядных лаковых туфельках. Они все сходились с разных сторон улицы, улыбались, здоровались друг с другом, или останавливались поговорить. Почти каждая женщина и мужчина были окружены тремя, четырьмя или пятью детьми. Многие везли коляски с младенцами, другие, несмотря на большое количество детей, явно ожидали еще прибавления семейства.

– Ну-ну, – только и смог проговорить, глядя на них Саша, – это же девятнадцатый век. Вот вы только посмотрите на эту, это же классика.

Действительно, мимо них прошла с коляской совсем молодая женщина. Очень стройная, она была одета в красивую белую блузку и темный костюм с длинной до щиколоток юбкой. На голове темная шляпа с широкими полями и неброскими цветами. Они проводили ее восхищенными взглядами, действительно, классика. Светских прохожих на улицах было совсем мало. Наконец, они дошли до места, где улица расширялась во что-то напоминающее площадь. Очевидно, это и был центр. Об этом свидетельствовало большое количество магазинов и кафе. Как замороженные переходили они от витрины к витрине, не в силах оторвать глаз от вещей, выставленных там. Женщины в основном кидались к витринам с одеждой и с обувью. Такого количества красивой обуви они никогда в жизни не видели.

– Ой, Ритка, смотри какие шпильки, – восторженно восклицала Белла.

– А какие босоножки, – вторила ей Рита.

– А на эти посмотри, прелесть, и эти, и вон те.

– Посмотри, какая кофточка, – кричала Рита уже у следующей витрины.

– Джинсы, ты посмотри сколько, и юбки джинсовые и куртки.

– Смотри, здесь вечерние платья. Боже, какая красота.

И снова уже у следующего магазина.

– Ой, я хочу такие туфельки, и такие, и такие.

– Ну, Сашка, нам повезло, что все закрыто. А то представляешь, что бы сейчас было?

– И не говори, они бы сейчас все деньги спустили.

– Ага, и сидели бы мы голодные до следующей получки.

– Да ладно вам, мы что, не понимаем, что пока нам нельзя ничего покупать, Мы просто восхищаемся, это нам, по крайней мере, позволено? – обижено возражали им.

– Да восхищайтесь, восхищайтесь, – звучало снисходительно в ответ.

Но тут они подошли к витринам другого магазина и куда делась вся только что продемонстрированная мужская выдержка.

– Юрка, смотри, у них тут грюндики свободно стоят. И сони вон, и шарп, да здесь до черта кассетников.

– Ты лучше сюда посмотри, здесь видиков навалом.

– Ничего себе, я такие только в видеосалоне видел.

– Ой, мальчишки, смотрите какие газовые плиты красивые, а холодильники какие огромные. И еще цветные. Я хочу бежевый, Саша, мы возьмем нам бежевый.

– А мне нравится серебристый. Юра, мы купим серебристый.

– Ты, Белла, лучше посмотри, какая мебель. Мы бы там, в Союзе за такой мебелью три года в очереди бы стояли.

– Три года? Да туда такую мебель вообще не завозят, разве что по разрядке из обкома для начальства.

И тут вдруг раздался восторженный вопль забытого всеми Пашки. Предоставленный самому себе, он отыскал витрину магазина игрушек и теперь в свою очередь выражал свое восхищение тем, что там было.

– Мама, – вопил он не отрывая глаз от игрушек, – роботрик, смотри, настоящий роботрик, вот, вот этот. Видите вон машина, – стал просвещать он подошедших родителей, – так это на самом деле роботрик. Если ее покрутить, она превращается в робота. Ой, я хочу этот полицейский набор, там наручники совсем как настоящие. И граната. А этот автомат стреляет водой, а это радиоуправляемая машина, она сама ездит и поворачивает сама, нужно только на кнопки нажимать.

– Интересно, откуда ты это все знаешь? – удивился Саша, глядя на сына. – Я, например, и понятия не имел, что есть такие игрушки.

– Так у других детей они и там были. У Женьки маленького папа моряк, он ему привозил, а Женьке большому в Одессе на толчке купили. А вы мне купите все это?

– Ну, все не купим, но что-нибудь купим, когда магазины откроются, – пообещали ему, не видя другого способа оторвать его от витрины.

Наконец, страсти немного поутихли, и тут они спохватились, что уже стемнело и удивились, что даже не заметили этого. Вроде бы только что было светло, и вот уже вечер.

– Знаете, это потому что мы в тропиках. У нас там долго темно, потому что еще были сумерки, а в тропиках сумерек нет, – вспомнил то, что когда-то читал о тропиках Юра.

Зажглись фонари, причем их было так много, и светили они так ярко, что на улицах опять стало светло. Они вдруг почувствовали как сильно устали и побрели домой, глядя на ярко освещенные окна. Задергивать шторы по вечерам тут было не принято, а может быть, у них и вообще штор не было, поэтому с улицы было прекрасно видно, что делается в каждом доме. В некоторых домах не только окна, но и двери были нараспашку, перед домам стояли столы, за ними ели, пили, разговаривали и смеялись, и все это на всю улицу, даже не пытаясь приглушить голоса.

– Смотри-ка, у них тут от народа секретов нет, – удивился Саша. – Мало того, что все открыто, так они еще и беседуют так, что на другой стороне слышно. Если бы у нас так кричали, то давно бы уже подумали, что дерутся и милицию бы вызвали, а здесь ничего, никто не реагирует.

Так, с удивлением присматриваясь к чужой для них пока жизни они дошли до своего дома. Пашку быстро накормили и уложили спать, а сами, несмотря на усталость, достали из чемоданов водку (каждому разрешалось провезти по две бутылки) и сели обсудить то, что видели, и то, что будет дальше. Конечно, на душе было тревожно, но, учитывая то, что они сегодня видели, жизнь все-таки обещала быть интересной.

* * *

Утром они спохватились, что вчера под водочку съели почти всю еду, поэтому каждому выдали по одному бутерброду, а Пашке оставили два. Потом занимались тем, что раскладывали вещи. Квартиры сдавались с мебелью, старенькой, конечно, но еще приличной и даже удобной. У Юры и Риты, например, в гостиной стояли раскладной диван, сервант, два кресла и тумбочка под телевизор, которого не было. В спальне, которую Риты выбрала для себя, стояла двуспальная кровать, комод с зеркалом, еще одно кресло и огромный на всю стену шкаф. Кухня была не широкой, но длинной и заканчивалась окном, в котором не было стекла, а только опять-таки алюминиевая трисса, которая так плотно закрывала окно, что и без стекла влезть в квартиру было невозможно. Было и еще кое-что непривычное в этой их первой израильской квартире. Возле двери была красная кнопка с подсветкой изнутри. Такая же красная кнопка была у двери в ванную. Пытаясь выяснить, зачем эти кнопки нужны, они несколько раз включали их и выключали, но в квартире ничего не менялось. Уже потом, у Берты Соломоновны, они спросили у Марианны об этих загадочных кнопках. Оказалось, что кнопка у двери включала свет на лестнице. В израильских домах свет на лестнице не горит постоянно. Когда кому-нибудь нужен свет, он включает его, благо такие кнопки есть у каждой двери и снаружи и внутри, и при входе на лестницу с улицы, а через несколько минут свет сам выключается. Не успел пройти, включай снова.

А кнопка около ванной оказалась выключателем от электрического бойлера. В Израиле в домах нет централизованной горячей воды. В каждой квартире есть установленный на крыше электрический бойлер, который греет воду. Многие ставят еще и солнечный бойлер, тогда все лето у них течет горячая вода без того, чтобы расходовать электричество. А так как лето в Израиле длится восемь месяцев и к тому же зима тоже очень часто похожа на лето, солнечный бойлер очень существенно экономит плату за свет.

Ко времени обеда они все уже были очень голодными. Удивительнее всего, что даже Пашка проголодался. Там, дома он очень плохо ел, чем приводил в отчаяние своих еврейских бабушек. Чтобы накормить его, приходилось пускаться на всякие хитрости, читать ему книги, рассказывать сказки, покупать игрушки, а тут он вдруг уже в двенадцать часов объявил, что хочет кушать и с ожиданием посмотрел на мать. Та, бедная, растерялась, не зная, что сказать. Впервые в жизни у нее не было еды для сына. Пришлось Саше взять это дело в свои руки и объяснить ребенку, что сейчас еды нет, но через два часа они пойдут в гости к Берте Соломоновне и Семену Борисовичу и там их будут кормить обедом, а сейчас пусть он не просит еду и не расстраивает маму, а еще об этом никогда не должны узнать его бабушки, иначе и папе и маме не сносить головы.

В гости они отправились в половине второго, так как и сами уже ужасно проголодались. Там уже были Марианна с мужем и высокий симпатичный мальчик, их сын Дани. Он в прошлом году окончил школу и теперь служил в армии.

– Ха, армия, это у них называется армия, – вмешалась Берта Соломоновна, когда они спросили у Дани, как ему служится. – В этой армии он каждый вечер приходит домой, а в пятницу и субботу он выходной. Вы где-нибудь видели такое, чтобы вся армия имела два выходных в неделю, и чтобы все разъезжались по домам. А если начнется война в субботу? А все солдаты и командиры, между прочим, выходные. Что тогда будет со страной? Азохен вэй нам всем с такой армией. Нет, если бы я умела писать на иврите, я бы написала пару слов их министру обороны.

– Бабушка, здесь страна маленькая, если что-нибудь случится, все очень быстро окажутся на месте, – смеясь, стал успокаивать ее Дани.

– Ой, да не обращайтесь на нее внимания, – подал голос Семен Борисович. – Она же у нас последняя коммунистка и сталинистка. Мне придется ее держать, а то она еще и революцию устроит.

Все это было смешно, и хозяева встретили их очень радушно, но на столе пока стояли только пустые тарелки и бутылки с вином. По принципу сытый голодного не разумеет вместо того, чтобы сразу накрыть на стол, им стали сначала показывать квартиру и вид с балкона, потом завели светский разговор и неизвестно, сколько бы еще это продолжалось, если бы маявшийся за пустым столом Пашка вдруг не спросил громким шепотом, когда уже им дадут обед, потому что он голодный. На Пашку дружно зашикали родители, но пристыженная Берта Соломоновна с извинениями и причитаниями кинулась на кухню и чуть ли не бегом стала выносить и ставить на стол угощение. Ей помогли Марианна и Давид, поэтому на стол накрыли чуть ли не мгновенно, и красным от смущения гостям стали тут же накладывать еду.

За обедом Марианна рассказала им, что они должны будут делать завтра.

– Я только недавно прошла все это с родителями, поэтому я все точно знаю, и мы с вами завтра все сделаем. Первым делом вы откроете счет в банке, – сказала она.

Услышав про счет в банке, они вздрогнули и посмотрели друг на друга. Такие слова как «счет в банке» в их социалистических головах прочно ассоциировались с понятием «акула капитала» и большими деньгами, а ведь у них пока еще ничего не было.

– Да не волнуйтесь вы, – успокоила их Марианна. – Для открытия счета достаточно положить в банк десять шекелей. Просто, деньги на жизнь и на квартиру Сохнут, то есть на самом деле министерство абсорбции, вам будет пересылать на ваш счет в банк. Поэтому открыть его нужно сразу же, а то вы не сможете получать эти деньги. Потом мы пойдем в Сохнут, вы там зарегистрируетесь и дадите номер своего счета. Потом вам нужно будет встретиться с хозяевами квартир и подписать с ними договор. Вам нужно будет заплатить им сразу за полгода. Но это тогда, когда вы получите деньги, где-то через неделю. А пока я за вас поручилась. Они сдают квартиры не первый раз и знают, что нужно подождать, так что с этим все будет в порядке.

– А нам что дадут деньги, чтобы уплатить сразу за полгода? – удивились гости.

– Ну да, но это деньги за квартиру. А на жизнь вы будете получать каждый месяц в банк. И еще вам полагаются деньги на электротовары: телевизор, холодильник, стиральную машину и газовую плиту. И вам еще нужно будет пойти в таможеню снять мехес, то есть таможенную пошлину. В течение первых трех лет вы имеете право купить это все без мехеса. А он, кстати, составляет сорок процентов от стоимости товара. И еще вы можете купить машину тоже без этой пошлины. И еще вам нужно записаться в ульпан.

Юра и Рита почувствовали, что у них уже кружится голова от обилия информации.

– Но как же мы все это успеем сделать? – только и смогли они выдать из себя.

– Так я же буду с вами. Я поведу вас, куда надо и мы все быстро сделаем, – снова успокоила их Марианна. – Я ведь в школе работаю, так что у меня отпуск.

Они тут же кинулись благодарить ее, но она только махнула рукой.

– Да мне все равно делать нечего, я буду только рада вам помочь.

После обеда хозяева хотели снова снабдить их продуктами на вечер, но они решительно отказались. Им уже и самом деле было стыдно, и они решили лучше умереть от голода, чем снова одалживать еду. Слава богу, выяснилось, что умирать такой ужасной смертью им все-таки не придется, так как вечером наступал моцей – шабат, то есть, исход субботы и некоторые магазины открывались и работали до поздней ночи. В частности, один из таких магазинов был большой супермаркет на выезде из их городка. Он назывался «Гиперколь», и в нем можно было купить все, что угодно. Им объяснили, что туда идут все автобусы и, если они скажут название, им объяснят, где выйти, а там они сразу его увидят.

– А во сколько же все-таки он открывается? – попытался уточнить у Марианны Саша.

– Когда кончится шабат. Вы смотрите на небо и узнаете.

– Не поняли. При чем здесь небо? Это что такая шутка? – удивились они.

– Нет, это серьезно. Шабат кончается, когда в небе появляются три звезды, – объяснили им.

– Ничего себе. И что у вас вечером все стоят и смотрят на небо?

– Нет, конечно, – засмеялись им в ответ. – В календарях написано во сколько начинается исход субботы. И религиозные тоже знают. Это мы просто точно не знаем, потому что не интересуемся, но примерно это около восьми часов. Да вы и сами увидите, когда автобусы пойдут.

– А сейчас они не ходят?

– А вы что не заметили? Конечно, не ходят. Понимаете, – извиняющимся голосом прибавила Марианна. – Мы ведь живем по Торе. То есть, у нас далеко не все верующие, мы например, не религиозные, но все-таки все стараются соблюдать традиции. Мы ведь народ Торы и гордимся этим.

– Так у вас по субботам все сидят дома?

– Нет, у нас по субботам все на пляже или в лесу жарят шашлыки. Но для этого нужно иметь машину и тогда можно ехать куда угодно, а у нас у всех есть машины и даже по несколько на семью. И вы скоро купите, не сомневайтесь.

В общем, из гостей они ушли обогащенные ценной информацией и стали с нетерпением дожидаться конца субботы. Пашка так вообще после пяти часов уселся на улице, задрал голову, стараясь увидеть три звезды. В половине восьмого они услышали шум первого автобуса, быстро собрались, и чуть ли не дрожа от нетерпения, поехали за продуктами. Сначала автобус шел по обычным улицам, потом дома исчезли и мимо окон стали проплывать только какие-то мастерские, производственные здания, склады, заправки. Они поняли, что это начался промышленный район, о котором им говорила Марианна. В Израиле предприятия не строятся в черте города, они все собраны в одном месте обычно на выезде и это место называется промышленным районом. Вскоре автобус остановился на углу, где дорогу пересекало шоссе, и перед ними засияла укрепленная на большом здании реклама «Гиперколь».

Приехали, обрадовались они, кинулись к выходу и, с трудом дождавшись зеленого света, перебежали дорогу и подошли к магазину.

Увы, он был закрыт, и внутри не наблюдалось никаких признаков жизни. Они заметались вокруг входа в магазин, пытаясь определить, откроется он или нет. Какой-то прохожий правильно угадав, что им надо, остановился возле них и закивав головой сказал им, показав на часы.

– Он откроется, откроется, еще пятнадцать минут.

Они немного успокоились, все, кроме Пашки. Тот уцепился за ручку двери и нетерпеливо спросил:

– Как будет на иврите «Я хочу кушать»?

– Ани роце леехоль, – недоуменно ответила ему Белла.

И тут Пашка, набрав полные легкие воздуха, вдруг завопил на всю улицу, колотя руками и ногами в стеклянную дверь супермаркета.

– Ани роце леехоль, ани роце леехоль.

Родители попытались оттащить его от двери, испуганно оглядываясь по сторонам, но все их усилия были тщетны. Пашка вырывался и снова бросался к двери, крича еще громче прежнего. Понемногу возле них собралась небольшая толпа. Один старик, подошедший раньше других, взял на себя роль гида и охотно объяснял окружающим, что это русский мальчик, только приехал из России, голодный, так как там кушать нечего, и здесь вот магазины закрыты. Люди ужасались, ахали, охали, всплескивали руками, рылись в сумках, но как назло, ни у кого не было с собой никакой еды.

Многие заговаривали с Пашкой, пытались объяснить ему, что магазин вот-вот откроется и там ему купят много еды, но ничего не помогало, Пашка продолжал орать и колотить в дверь. Наконец, один мужчина, издав торжествующее восклицание, ринулся куда-то в сторону и через несколько минут вернулся, неся огромную порцию мороженого. Он сунул его в руки Пашке и, погладив его по голове, жестом показал, чтобы он скорее ел, чем тот и немедленно занялся. Толпа зааплодировала и облегченно вздохнув, стала смеясь расходиться. Смущенные Белла и Саша, вытащив деньги, пытались выпросить у великодушного прохожего, сколько они ему должны, но он даже и слушать не захотел, а пожелав им на прощание всего хорошего, зашагал прочь. Пашка, очень довольный собой, уселся неподалеку и стал сосредоточено лизать мороженое, а взрослые, увидев, что толпа рассосалась, тоже отошли в сторону, пытаясь прийти в себя от пережитого позора.

Наконец, к входу в магазин стали подходить люди, по уверенному виду которых можно было определить, что они там работают. Действительно, некоторые из них открывали дверь своими ключами, другим открывали изнутри, но магазин быстро наполнялся. Наконец, наступил момент, когда в магазине вспыхнул свет, и они поняли, что можно заходить. И зашли, и остановились как громом пораженные, когда увидели, куда они попали. Дело было даже не только в том, что перед ними на добрую сотню метров протянулись прилавки и полки, заставленные невообразимым количеством самых разнообразных продуктов, а еще и в самом магазине. Он был роскошный, другого слова просто нельзя было подобрать. Роскошный, потому что все его полки сверкали яркими бутылками, коробками, пакетами, жестянками. Всем тем, что там у себя дома они доставали по большому благу или покупали за сумасшедшие деньги у спекулянтов и держали только для гостей, чтобы поразить их, держали и растягивали как можно дольше, несмотря ни на какие сроки давности. А потом, когда содержимое все же кончалось бережно ставили такую баночку или коробочку на полку в кухне, чтобы украсить ее. А здесь все это было свободно и в таком количестве, что не скупить даже за всю жизнь. Как зачарованные они пошли вдоль полок, делая на каждом шагу удивительные открытия. Оказывается майонез, который у них выпускался безвариантно одного и того же вида в скромных наибольших баночках, бывает десяти, нет пятнадцати сортов. И его не нужно доставать или покупать по случаю, если повезет, и держать потом два-три месяца в холодильнике, чтобы приготовить оливье для гостей на праздник, а можно в любой момент свободно зайти и купить. А кофе, растворимый кофе, который они тоже доставали с таким трудом и расходовали как можно бережнее, он тоже бывает разным, а не только индийским. А вот и колбасы, Их не выбрасывают через окошечко прямо в руки мающихся в ожидании несколько часов покупателей. И те не вырывают, огрызаясь и толкаясь, друг у друга завернутые в бумагу куски колбасы неизвестно какого сорта, нет, эти колбасы просто висят и ждут покупателей, пожалуйста, берите не хочу. А сколько же их. Разве бывает столько сортов колбасы, смотрите, и вареные и копченые, и черт, глазам своим не верим, самые настоящие сырокопченые. Смотрите сервелат, и салями, только подумать, салями, о которой они только слышали и никогда не видели. А вот и окороки, и буженина, а там просто мясо и куры, отличные упитанные куры, и совершенно свободно, только подумать.

А сколько разных сортов сыра, а мы думали, что сыр бывает только голландский, российский и пошехонский, если повезет. Ой, смотрите, багеты, длинные французские багеты, как в фильме «Мужчина и женщина». Ну да, весь мир видел в этом фильме трагическую историю любви, а мы видели еще и багеты, и дубленку Анук Эме, и ее сапоги и все остальные символы красивой жизни, которой были лишены от рождения.

– Ой, мама, папа, жвачка, смотрите, сколько жвачки, – вдруг раздался леденящий душу визг, и Пашка обеими руками схватил с какой-то полки столько ярких пакетиков с жевательной резинкой, сколько поместилось в его жадных ладошках. От возбуждения он громко смеялся, и видно было, что он не верит своим глазам, что на свете бывает такое количество жвачки. До сих пор ему изредка покупали на толчке даже не пачечку, одну единственную пластинку за рубль, и он откусывал от нее крохотные кусочки, такие, что даже не чувствовал, есть во рту что-то или ничего нет. Он прижимал к груди эту желанную жвачку и опасливо косился на взрослых, не заставят ли они его положить все назад. Но те не обращали на него внимания, сами превратившиеся в детей, и в восемь рук хватающие все, что казалось им самым привлекательным и желанным. Когда через час они подошли к кассе, их коляска была заполнена доверху ярчайшими пакетами и баночками, в большинстве из которых находилось неизвестно что, во всяком случае, они не имели об этом ни малейшего понятия. А над грудой всего этого восседал Пашка, восседал как король, только вместо державы в одной руке у него был огромный ананас, а вместо скипетра в другой руке, он держал французский багет, а на коленках возвышалась гора пачек с жевательной резинкой. И вот, когда казалось, им уже больше нечему было удивляться, возле кассы они испытали еще одно потрясение. Им дали целую кучу пластиковых пакетов, чтобы положить покупки и дали совершенно бесплатно. Но доконало их все-таки даже не это. Последней каплей стало то, что кассирша сказала им «Спасибо за покупки». Не «Давайте, проходите скорее», не «что вы тут застряли, людям мешаете», не «нахватали тут, покоя от вас нет», а «спасибо за покупки» и улыбнулась. Вот этого нервы у них не выдержали, и отойдя от кассы, Белла вдруг отпустила ручку коляски и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Остальные даже не стали спрашивать ее, почему она плачет и так было все понятно, но она, отняв руки от лица и обводя потрясенным взглядом огромный супер, заговорила сама.

– Семьдесят лет, боже мой, семьдесят лет советской власти нас обманывали. Нам говорили, что капитализм это плохо, что там люди все угнетенные, несчастные, не знают, что с ними будет завтра, а вы посмотрите на них. Они же все веселые, довольные, все покупают, у них на все есть деньги. Мы же дикари, ничего этого не видели, а они привыкли к этому, они знают, что лежит во всех этих коробках, они выросли с этим, они не понимают, что можно жить по-другому. Они не представляют себе, что это такое, бегать по пустым магазинам и думать, чем накормить ребенка и мужа. Они же просто идут и берут все, что им надо, и уверены, что так и должно быть.

Они уже вышли из магазина и шли к остановке, а она все не могла успокоиться и говорила, говорила, а они сами потрясенные не меньше ее, молча слушали, понимая, что она права.

– Саша, ты помнишь, когда Пашка родился, в магазинах не было не только пеленок, даже байки несчастной не было. Мама по большому благу достала материал, и они с бабушкой настроили пеленок, а мы потом их стирали, стирали без конца. Наша старенькая стиральная машина поломалась, и мы стирали руками, вываривали в марганцовке, а потом часами, – тут она не выдержала и снова зарыдала, – гладили, гладили с обеих сторон. Тогда была зима, и мы сушили их в доме, весь дом был в пеленках и в этих страшных байковых ползунках, которые нам дарили после своих детей соседи и друзья, потому что их тоже негде было взять. В доме было холодно, и они не сохли, и мы часами стояли и держали их над газом, и так мучались, так мучались, что сил даже нет вспоминать об этом. А соски? Одну единственную немецкую соску мне подарила подруга, и мы дрожали над ней как над сокровищем, потому что пустышек в магазинах не было вообще. А бутылочку для него мы выпросили в универсаме, в пункте сдачи

посуды, помыли ее, и с таким трудом в четыре руки натягивали на нее соску и сами кололи в ней дырочку иголкой, а она оказывалась то большая, то маленькая, и он то захлебывался, то ничего не мог высосать через нее.

– А по телевизору тогда, как нарочно, показали французский фильм «Трое мужчин и младенец в люльке», и там они пошли в магазин и за пять минут купили для ребенка одноразовые подгузники и всю одежду, и питание, много коробок разного детского питания. А у нас тогда был один виталлакт, и то мы его заказывали, иначе нам бы он не доставался, и еще я каждый день ходила в детскую кухню при поликлинике, и там мне давали немного творога и маленькую бутылочку кефира, я и по сей день не знаю из чего их там делали. А здесь вы видели, сколько детского питания и огромные пачки этих одноразовых подгузников, о которых мы и мечтать не смели. А соски, видели какие красивые яркие бутылочки? А соски уже натянутые на пробочки с отверстиями и точно такими как нужно? А еще сверху крышечки, чтобы не пачкались? Ну, почему, почему мы были лишены всего этого? За что мы так провинились?

– Так, Белла, хватит, перестань, – прикрикнул на нее Саша, видя, что она опять готова зарыдать. – Мы уже оттуда уехали, и теперь у нас тоже все будет.

– А кто нам вернет все эти годы мучений? Кто?

– Ничего нам не надо возвращать, мы еще молодые, у нас впереди времени хватит, чтобы забыть все это и жить нормальной жизнью, – уже мягче сказал ей муж.

– Да, Беллочка, – подхватила Рита, – Вы еще молодые. Вот подождите, годик-другой, устройтесь, начнете работать, и заведете еще одного ребенка, вам ведь девочка нужна же. Вот ей и будете все покупать, и все будет у вас как в этом фильме. Так что не расстраивайся, все еще у тебя будет.

– Точно, она права, заведем себе еще и дочку, – Саша обнял жену и подбадривающе ей улыбнулся. Та в последний раз судорожно вздохнула и понемногу успокоилась.

В автобусе Пашка вдруг всех удивил неожиданной наблюдательностью. Когда они ехали в прошлый раз, то время от времени слышали какие-то короткие звонки, но сколько ни вертели головами, не могли понять, откуда они раздаются. А теперь вдруг Пашка сказал.

– А я знаю, откуда звоночки. Это все нажимают на вот эти кнопки, – и он показал на большие кнопки, укрепленные на маталлических стояках рядом сидениями. Они пригляделись и точно, время от времени кто-нибудь из пассажиров нажимал такую кнопку и раздавался короткий звончек. А еще они теперь увидели, что после звончка перед водителем красным светом вспыхивала укрепленная наверху табличка со словом «ацор» на иврите, конечно. Сначала они не могли понять для чего это, слово было им незнакомо, и что оно значило, они не знали. Потом они заметили, что после остановки, слово гасло, а потом его кто-нибудь снова включал. А на остановке этот кто-нибудь вставал и выходил.

– Ну, все понятно, – Юра откинулся на сидение с умным видом, – Это звонят, чтобы автобус остановился на остановке. Если никому не надо выходить, и на остановке никого нет, он просто проезжает мимо, не тратя даром времени. Здорово, да?

– Ты видал, какие они здесь экономные. Свет в подъезде даром не горит, на остановках даром не останавливаются. Молодцы, – восхитились и все остальные.

– А что ж вы хотите, мы же здесь все евреи, у нас головы работают, – вдруг скрипучим голосом и с заметным акцентом отозвался старик, сидящий сбоку от них и давно уже с интересом на них посматривающий. – А вы что только недавно приехали?

– Вчера приехали, – честно ответили они, и старик неизвестно почему очень обрадовавшись такому ответу, тут же принялся на иврите объяснять всему автобусу, кто они такие. Услышав это, остальные пассажиры тоже почему-то обрадовались и начали немедленно это обсуждать, время от времени прерываясь и задавая им вопросы типа «Ну, вз эйх баарец? Охель тов?»

Через десять дней они уже по горло были сыты этими вопросами, так как не могли пройти по улице и двадцати метров без того, чтобы их не остановили какие-нибудь совершенно незна-

комые израильтяне и не задали одни и те же три вопроса «Кама зман атем баарец? Эйх баарец? Охель тов?»

Вначале, стараясь угодить останавливающим их приятным людям, они честно во всем отчитывались, да, мы в Израиле три, четыре, пять и так далее дней, в Израиле хорошо, еда хорошая. Потом это стало им надоедать, потом просто раздражать, особенно, если, выслушав их, те удовлетворенно кивали головой, а затем прибавляли «Вэ бе Русья эйн охель». Почувствовав себя даже в какой-то степени униженными этим заключением, они стали пытаться протестовать и заявляли, что бе Русья таки-да есть охель, если они не умерли там от голода, но их просто не слушали, а удалялись, продолжая сокрушаться, что бе русья эйн охель.

Но это было позже, а сейчас, когда они подошли к дому, то у входа в подъезд увидели, сидящего на низеньком заборчике, седого человека, рядом с которым стояла тачка с большим по советским понятиям холодильником. Они с ужасом вспомнили, что Марианна говорила, что вечером им какой-то Ави привезет холодильник и кинулись извиняться перед ним, за то что заставили его ждать.

– Ничего страшного, – доброжелательно улыбнулся им Ави, – так я посидел немножко, подышал воздухом. Давайте лучше показывайте, куда его заносить. У нас здесь без холодильника нельзя, климат такой, так что он вам на первое время пригодится. А когда вы получите деньги и купите новый, позвоните мне, и я его заберу и отвезу кому-нибудь новенькому.

Несмотря на то, что ему было, наверное лет под шестьдесят, он все еще был стройным крепким мужчиной и судя по молодеватой выправке явно был бывшим военным. Ребята кинулись ему помогать и через несколько минут общими усилиями холодильник был установлен в кухне Юриной и Ритиной квартиры, так как тащить его на третий этаж к Белле и Саше не было никакого смысла.

– Смотрите, – сказал им Ави, когда включенный холодильник заработал. – Он, конечно, не новый, даже можно сказать, старый, но морозит как зверь. Единственный недостаток, что он старого образца, и его вам придется раз в неделю выключать и размораживать, чтобы лед растаял.

– Ну, конечно, – ответили ему, – мы это знаем. У нас там на Украине тоже были холодильники, и мы их каждую неделю размораживали.

– Как это? – удивился Ави, – зачем каждую неделю? У вас что, там были тоже такие старые холодильники?

– Почему старые? – обиделись они. – У нас были новые холодильники, самые большие, такие как этот, «Днепр» назывались. Но ведь любой холодильник нужно выключать, чтобы лед растаял.

– Нет, – покачал головой Ави, ей-богу глядя на них с жалостью. – Холодильники, которые продаются в Израиле, не делают лед. Они называются «ноу фрост», и их не надо размораживать. Конечно, их тоже выключают и моют несколько раз в год, перед пейзажом, например, но это не часто.

– Да, кажется, мы действительно попали в другой мир, – задумчиво сказал Саша, когда их благодетель ушел, а остальные только вздохнули.

То, что они теперь живут живут совсем в другой реальности, подтвердилось и назавтра, когда рано утром Марианна зашла за ними, и они отправились в банк открывать счет. До сих пор им никогда не приходилось бывать в банке, а уж иметь там счет, или выписывать чеки, такое они видели только в кино или читали в книгах. И счастье еще, что с ними была Марианна, потому что войдя в банк они сразу почувствовали себя младенцами в джунглях. Ну, во-первых, огромное количество окошечек с непонятными надписями, во-вторых, у стены стояли непонятного назначения аппараты. К ним то и дело подходили люди, вставляли в отверстия какие-то карточки, нажимали нужные клавиши и цифры, и аппараты, поднатужившись, выдавали им деньги или листы с напечатанными на них цифрами, которые эти люди изучали сами

или подходили с ними к служащим банка. Чувствуя себя полными идиотами они послушно пошли туда, куда их повела Марианна, им что-то там заполнили, они подписали, потом с этой бумагой они пошли в другое место, отдали в кассу по десять шекелей, снова что-то подписали, потом они несколько раз еще что-то подписывали и, наконец, Марианна объявила им, что в банке они уже все сделали и теперь нужно идти в сохнут.

– А что мы сделали в банке? – все-таки решились спросить они.

– Ну как же, – удивилась Марианна. – Вы же открыли счет, заказали по две книжки чеков и каспомат.

– Какой еще каспомат?

– Ну, магнитную карточку, чтобы деньги снимать в каспомате, ну в таком аппарате, видите вон там в стене банка? Вставляете туда карточку, набираете свой код, вам его пришлют вместе с карточкой, набираете, сколько вам нужно денег, и он вам выдает. В общем, когда получите каспомат, я вам покажу.

Следующим по плану Марианны был сохнут, который на самом деле назывался не сохнут, а министерство абсорбции, но все для краткости говорили сохнут. Там их снова куда-то записывали, брали у них бумаги из банка, потом наконец отпустили, объяснив, что деньги на жизнь и на квартиру они получают на свой счет в банке через неделю, а пока им нужно пойти и записаться в улыпан, то есть на курсы изучения иврита.

Показав им куда идти, Марианна распрощалась с ними, а они поплелись в городской клуб записываться в улыпан. Там в фойе уже собралась толпа таких же свеженьких новопривыкших иммигрантов, как и они. Люди знакомились друг с другом, рассказывали о своих приключениях в дороге, хвастались высокими должностями на старой родине и размерами съемных квартир на новой, каждый пытался чем-то поразить народ. Наши ребята скромно присели в углу и молча слушали, так как им хвастать особенно было нечем. Но тут не выдержал Пашка. С полчаса он терпеливо ждал, когда же его родители, наконец, тоже найдут, чем удивить присутствующих, но они молчали. И тогда он понял, что должен сам что-нибудь срочно сказать для поддержки авторитета семьи.

– А у нас, – вдруг звонко сказал он, дождавшись мгновенной паузы в гуле голосов, – а у нас у мамы привидение лифчик украло.

Все оторопело замолчали, и Пашка понял, что ему удалось. Ему удалось сообщить что-то настолько интересное и важное, что привлекло всеобщее внимание и, чтобы усилить произведенный эффект, он добавил еще громче.

– А ведь лифчик-то был французский. Мама его купила в комиссионном за сумасшедшие деньги и положила вчера в шкаф. А сегодня хотела надеть, чтобы прийти сюда в новом лифчике, а его нет. Привидение украло, потому что больше некому.

Пришедший в себя народ грохнул гомерическим хохотом. Пашка, очень довольный своим выступлением, решил, что честь семьи он поддержал, снова уселся на стул и замолчал. Белла, красная от пережитого позора, схватила его за руку и зашипела, но Саша остановил ее.

– А что ты хочешь от ребенка, если сама сегодня целое утро кричала это на всю квартиру? Он что понимает, что можно говорить, а что нельзя? Знаешь же, что ребенок в доме, вот и думай, о чем говоришь.

Они уже готовы были поругаться, но положение спасло то, что вышла какая-то женщина и пригласила всех пройти в зал. Там им со сцены через переводчика сообщили, что их занятия начинаются в воскресенье, да да, именно в воскресенье, так как в Израиле нерабочий день суббота, а воскресенье рабочий, и им нужно к этому привыкать. Курсы будут длиться шесть месяцев, и все это время они будут получать деньги на жизнь от министерства абсорбции. Также им полагаются деньги на проезд до улыпана на автобусе, если они живут далеко, бесплатный детский садик, тем, у кого есть ребенок до пяти лет, и еще деньги на няню, которая будет забирать его оттуда, так как садики работают только до часу дня, а улыпан до двух. После

окончания улыпана через полгода у них будет встреча с представителем министерства абсорбции и им тогда скажут, какие есть курсы для подтверждения диплома или переквалификации, если их специальность не пользуется спросом в Израиле. Потом они заполнили анкеты и их отпустили по домам устраиваться.

Услышав, что у них есть несколько свободных дней Рита и Юра многозначительно переглянулись. Пора, пора было ехать в Хайфу к нотариусу, чей адрес был в письме с завещанием, и выяснять каким богатством они владеют.

Объяснив Саше и Белле, что они завтра с утра уезжают на несколько дней навестить свою родственницу, они оставили им ключ от квартиры, чтобы те могли пользоваться общим холодильником и, прихватив необходимые на несколько дней вещи, выехали прямо с утра в Хайфу.

В автобусе им повезло, там нашелся человек, который говорил по-русски, и он объяснил, что им нужно выйти на Адаре.

– Как услышите, шофер скажет «тахана ахарона бе Адар», так и выходите, – сказал он им.

Действительно, такие слова прозвучали, и они вышли в незнакомом им месте и с любопытством огляделись. Вокруг тянулись одни сплошные магазины, магазинчики и магазинища. Все они были забиты одеждой, обувью, ювелирными изделиями, бельем, мебелью, цветами, безделушками, электротоварами, продуктами и вообще всем, что только производилось в мире. Кстати, пройдя несколько кварталов и устав от такого изобилия, Рита вдруг поняла, что ей больше ничего не хочется купить. Выбрать что-нибудь одно или даже два из такого огромного количества было попросту невозможно, а купить все тоже нереально, да и зачем ей столько всего. К тому же сначала нужно было заняться делом. Они стали приглядываться к прохожим, чтобы найти кого-нибудь, кто смог бы объяснить им дорогу по-русски. Наконец, они увидели женщину вроде бы с типично славянскими чертами лица и спросили дорогу. Но тут их поджидала неудача. Женщина приветливо улыбнулась, но сказала «рак иврит». Точно также им ответил и мужчина, тоже похожий на русского. Кстати, как они уже поняли, русскими в Израиле называли всех выходцев из Советского Союза, то есть просто русскоязычных, а кто из них был еврей, а кто настоящий русский, израильтяне не понимали. Следующее обращение на русском языке тоже не имело успеха, и они решили, что ничего не поделаешь, придется поднапрячься и постараться понять объяснение на иврите. Дело в том, что они уже заметили, объясняя, как пройти, израильтяне обычно говорили, идите до конца, а потом поверните налево, или направо, это было неважно, так как главной проблемой было понять до конца чего нужно было идти, до конца улицы, так она и не собиралась кончаться в обозримом пространстве, до конца города, может быть, или мира, например. Но делать было нечего. Они составили в уме вопрос и обратились с ним к первому встречному прохожему.

– Можно по-русски, – неожиданно ответил тот, и объяснил, куда нужно идти. Оказалось, что нужная им контора находится в здании так называемого «кеньона», то есть огромного универсального магазина. Вернее, магазины занимают там первые пять этажей, а на остальных шести расположены конторы.

Когда они завернули за угол, как им указал прохожий, то сразу увидели огромное и очень необычное, во всяком случае, для магазина, здание. Во-первых, оно было построено каскадом, то есть разные его части поднимались на разную высоту. Во-вторых, оно было абсолютно черное и еще блестящее, а окна были зеркальные и затемненные. Когда они вошли внутрь, предварительно подвергшись обыску и проверке специальным прибором, то удивились еще больше. У них на родине тоже были большие магазины, скажем, их центральный универмаг был трехэтажным. Бывали они и в больших магазинах и в других городах, в Киеве, например, или в Москве. Но там на каждом этаже просто были залы, заполненные прилавками. Здесь же были огромные холлы, в которые выходили двери и витрины отдельных магазинов. Кстати в холлах

располагались многочисленные кафе, как ни странно в разгар рабочего дня заполненные до отказа.

Поднявшись в одном из огромных лифтов на нужный им седьмой этаж, они, наконец-то, не веря себе, попали к адвокату, от которого несколько месяцев назад получили письмо с завещанием. И вот тут их ожидал сильнейший удар. Конечно, они не думали, вернее не смели надеяться, что их тетя Рейзл была миллионершей, но все-таки были уверены, что их ожидает значительная сумма. Ведь мама и бабушка уверяли их, что ее последний муж был самым настоящим золотопрядом. Да и она сама писала им о деньгах. И вдруг оказалось, что они получают в наследство только дом в каком-то мошаве, затерянном на полдороге между Хайфой и Кармиэлем. Никаких денежных средств, как при помощи русскоязычной служащей сообщил им адвокат, на счетах у Шейнер Рейзл обнаружено не было.

Выйдя из здания кеньона, они, подумав, решили поехать в мошав, чтобы на месте посмотреть, что же там такое они унаследовали.

Опять-таки с помощью расспросов на всех известных и неизвестных им языках они добрались до центральной автобусной станции, а там сели в автобус, идущий в Кармиэль и с любопытством разглядывая все, что проносилось за окном, вдруг поняли, что едут в сторону своей Кирьят-Аты и даже действительно проехали мимо «Гиперколя», где вчера знакомились с ассортиментом товаров при капитализме. Однако дальше потянулись места совсем незнакомые. К их удивлению вдоль дороги все время стояли жилые дома, магазины, иногда склады и магазины, никакой степи или леса не было видно. Один раз, правда потянулись как будто-бы необжитые места, лесочки, поляны, холмы, но вдруг посреди этого безлюдья как по волшебству возник огромный торговый центр с обязательным «кеньоном» и с не менее обязательным МакДональдсом и другими кафешками.

– Ничего себе, – удивлено протянул Юра, глядя на это неожиданное торжество цивилизации. – Кеньон посреди степи или леса, не знаю, как тут у них это считается. Кто ж сюда приедет покупать, здесь же и городов никаких рядом нет.

Однако через мгновение они увидели стоянку за этим торговым центром. К их удивлению она была полностью забита автомобилями и каждую минуту прибывали новые.

Надо сказать, что удивлялись они в первый и последний раз, так как вскоре обнаружили, что такие торговые центры «посреди степи» встречаются здесь сплошь и рядом, а коренных израильтян, когда они едут за покупками, не пугают никакие расстояния. В любое время дня и особенно ночи они загружали в машины свое многочисленное потомство, а также всех родственников от мала до велика и мчались в какой-нибудь круглосуточно работающий кеньон скупать там все подряд и развлекаться. Развлечения же в первую, а также во вторую и в третью очереди включали еду и питье. Кроме того, в кеньонах также устраивали детские утренники, концерты, показы мод, и на каком-нибудь из этажей очень часто располагался луна-парк или даже искусственный каток.

За торговым центром опять потянулся лесок, затем небольшие горы и снова лесок, и вдруг шофер, которого они заранее предупредили, объявил, что им нужно выходить. Недоумевая, они вышли в совсем диких, по их мнению местах, автобус уехал, они остались одни и стали беспомощно оглядываться по сторонам.

– Ничего себе, – произнес Юра и почесал в затылке.

– Одни в лесу в чужой стране, – нервно хихикнула Рита, – я думаю маме и бабушке не стоит об этом рассказывать. Вот только чего нас шофер выкинул из автобуса посреди леса? Он что русских не любит?

– Может быть, у них приняты такие шутки, а может быть, это где-нибудь рядом, а мы стоим как дураки. Слушай, давай все-таки попробуем пройти немного.

Они двинулись вперед и действительно метров через десять увидели проход между деревьями и небольшой мостик, перекинутый через канаву. Они поднялись на него, перешли и в

изумлении остановились. Они очутились в раю. Во всяком случае, им так показалось, потому что такую красоту увидеть на земле людям удастся не часто. Вокруг буйствовала роскошная зелень, высокие тенистые деревья, огромные кусты с яркими цветами, изумрудно зеленая трава, а прямо перед ними среди всего этого великолепия тянулась дорожка из ЖЕЛТОГО кирпича. Посмеиваясь над возникшими ассоциациями, они ступили на нее и пошли, наслаждаясь каждым мгновением своего пребывания в этом чудесном месте. Но это было только начало, так как деревья вдруг расступились и дорожка вывела их на круглую площадь, окруженную со всех сторон совершенно сказочными домиками с островерхими и плоскими крышами под красной черепицей. Домики были одноэтажными и двухэтажными, совершенно разными, но все необыкновенно красивыми. Некоторые были полностью покрыты какими-то вьющимися растениями, у других были заставленные цветами балконы или террасы, у многих были башенки, полукруглые окна, арки за которыми виднелись маленькие внутренние дворики, в общем было видно, что фантазии здешним жителям или их архитекторам было не занимать. Сказочное впечатление усиливалось тем, что вокруг стояла тишина, не было ни души, только в тени под самым большим деревом с удобствами возлегали три большие собаки: сенбернар, ротвейлер и собака породы собака. Рита и Юра могли бы поклясться, что при виде их собаки недоуменно переглянулись, а затем встали и медленно пошли к ним навстречу. Нашим путникам стало немного не по себе, потому что иди, знай, что у этих собак на уме и какие должности они в этом сказочном царстве занимают, но когда те подошли ближе, ребята успокоились. Собаки смотрели на них совсем не враждебно, а наоборот с добродушным любопытством и было видно, что им просто скучно, и они рады хоть немного разнообразить свое времяпровождение.

– Привет, ребята, – обратился к ним Юра, не рискнув все-таки погладить их по голове. – Вы здесь одни? Вас на хозяйстве оставили или здесь вообще все жители только такие как вы? А нас в компанию примете?

– Аль тефахду, хем ло ношхим, – раздался вдруг голос сзади и, оглянувшись, они увидели женщину с приятным лицом и с косынкой на голове, намотанной особым способом, секрет которого известен, наверное, только религиозным еврейкам. – Эт ми атем мехапсим?

С трудом поняв, что она спрашивает, кого они ищут, они еще с большим трудом объяснили ей, кто они такие. Поняв, она кивнула головой и показала им знаком, чтобы они шли за ней. Они и пошли. По дороге она не переставая пыталась объяснить или рассказать им что-то непонятное на иврите, но даже, если бы они и понимали иврит, то все равно не могли бы слушать ее, потому что сердца их замирали от того, что они видели по сторонам. Они шли по узким аллеям, полностью закрытыми от солнца сплетающимися ветвями деревьев, поднимались по таким же узеньким мраморным лестницам, прячущимся между домами или в густой растительности, проходили по маленьким мостикам, перекинутым через маленькие водоемы и, наконец, пришли к небольшой, но очень красивой вилле, стоящей на самом краю мошава. За виллой склон круто сбегал вниз на большую глубину.

Пошарив в одной из ваз с неизвестным растением, женщина вытащила ключ и открыла им дверь. Они вошли внутрь. Как и в большинстве израильских домов здесь не было прихожей, и они сразу же очутились в большой комнате, у которой одна стена была полукруглой и представляла собой одно большое окно, под которым стояли низенькие диванчики. Рита и Юра как зачарованные одновременно шагнули к этому огромному окну и остановились, не в силах оторвать взгляд. Перед ними был весь Израиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.